

ХАРИТОН МАМБУРИН

ГРЕШУЧИЙ
КОКТЕЙЛЬ

том VII

18+

Гремучий коктейль

Харитон Мамбурин

Гремучий коктейль – 7

«Автор»

2024

Мамбурин Х. Б.

Гремучий коктейль – 7 / Х. Б. Мамбурин — «Автор»,
2024 — (Гремучий коктейль)

Нет никого, кто был бы на сто процентов уверен в существовании Бесконечной Книги Правил, но из-за неё уже начата война. За еще не найденный инструмент самого Творца готово развернуться самое настоящее побоище тех, кто не уверен ни в чем, даже в тех, кто стоит с ним плечом к плечу. Могущественные сущности, манипуляторы, прожившие сотни лет, начинают свою склоку. Меж них - Истинный князь, Дайхард Кейн, переехавший вместе со своей семьей в Америку. Ему не нужна Книга, он просто хочет избавиться от Общества, но также и понимает, что никто из тех, кто ищет Книгу, не заслуживает её мощи. А что сама Книга? Ведь она может быть живой, у неё может быть разум... Чего хочет она? Кульминация всё ближе.

Харитон Мамбурин

Гремучий коктейль – 7

Пролог

Историю всегда писали победители. Даже то, что написано другими победителями, можно переписать в своих интересах. Так было, так есть и так будет. Он как никто другой знает эту аксиому, он учился применять её у лучших. У своей семьи, Истинного рода.

Прочим всегда оставалось только одно – смириться. Неважно, носит это быдло шапку золотаря или корону повелителя, его судьба лишь склониться перед ними, протягивая руки за деньгами, властью, покоем и иными милостями. Закрывать глаза на исчерканные чужой рукой страницы, заставить себя забыть то, как с ним обошлись и будут обходиться. Иначе не выжить, столкнувшись с волей, властью и влиянием Истинного рода Сильверхейм.

Сегодня, правда, золото не могло сказать своё веское слово, как не могли его сказать многочисленные союзники, купленные предками Дария, либо им самим. Всё, что у них было в наличии – это небольшая боевая группа родичей, один слабосильный ублюдок из Дании, чудом выживший в знатной заварушке, да и сам Дарий, Глава Рода.

Ах да, еще? Дикое отчаянное желание начать возвращать утраченные позиции Дома Сильверхейм! Рода, потерявшего всё в кровопролитной войне с Аксисами! Утратившего почти всё!

Рискнуть ради шанса общественным мнением? Да легко. Клеймо позора от нападения на хозяина с помощью лазутчика, открывшего портал, было бы серьезной проблемой, но далеко не самой страшной из тех, которые они могли решить деньгами и арканитом! Тем более, что напасть нужно было на члена собственного рода, подло похитившего один из самых ценных артефактов Сильверхеймов! Более того, эта тварь вполне могла и участвовать в их падении!

Она всегда крутилась рядом!

Всегда!

Но... как так вышло?

Дарий, зажимая дыру в плече, чувствовал, как от горящей болью раны распространяется по его телу нечто, несущее сонливость, делающее мысли вязкими и неторопливыми. Даже его бессильная ненависть, которой он пытался прожечь дыру в высоком молодом человеке, лениво пинающим ногой труп того самого везучего выжившего слабака, его отца, быстро угасала под влиянием чего-то, бывшего на пуле, ранившей Главу Рода.

Тупой ублюдок... Всё, что от него требовалось – так это напроситься в гости, убедиться, что разговор будет при минимальном количестве охраны, а затем, загородившись Щитом, открыть портал в Сильверхейм. Всё. А он, зачавший этого... вора, не смог заметить аж два огромных доспеха, вооруженных пулеметами, чьи пули спокойно пробили лучшую магическую защиту из возможных!

Сильверхеймы, выскакивающие из портала, просто падали, не успевая ничего сделать. Как упал и он, Дарий, понадеявшийся в отчаянии на то, что его смертный хлад, развеивающий на тела двух неудачников, оказавшихся рядом, развеет и летящую в них свинцовую смерть...

Какой...

Позор...

– Сильверхеймы, – с ясно различимым отвращением проговорил Дайхард Кейн, он же Юджин Сильверхейм, владелец гримуара Горизонта Тысячи Бед, – Наполучали по мозгам до почти полного вымирания, но вовсе не озаботились ими снова воспользоваться. Разучились, что ли?

– Ты безусловно прав, супруг мой, – кивнула хрупкая брюнетка с чрезвычайно длинными волосами, подстрелившая, насколько успел увидеть Дарий, аж двух его родичей, – Кидаются в бой, позабыв всё и вся. Даже уж не знаю, кого они мне напоминают.

– Эй! – стоящий среди трупов преданных им родичей аристократ обиделся, – Я не кидался, я тебя защищал! Смотри, костюм целый, никто из них своей ледяной Методой не дотянулся!

– Чан Ми, Син Ми! – повысила голос та, в ком Дарий опознал жену Дайхарда, – Держите портал под прицелом! Оттуда могут выйти дружинники!

«Не могут, я всех удалил из основного дворца», – вяло подумал Дарий, безуспешно пытающийся бороться с онемением, – «Чтобы Теодору нечем было ударить в спину, когда мы уйдем»

Теодор теперь станет Главой. Жалкий бесхребетный трус, как и этот отброс, глумящийся над ними. Надо же, китайские прислужники. Может, он тайный раб кланов Китая? Что-то такое ему докладывали...

Какой позор. Неужели ему, Дарию, придётся сейчас торговаться с этим ублюдком рода? Не просто же так он еще в самом начале заорал на своих китайцев в доспехах, требуя, чтобы они стреляли по ногам? Из полутора десятков Сильверхеймов почти половина еще живы... Переговоры? Не просто так их разоружили и заставили покидать гримуары на пол...

– Кейн! Кристина! – в зал ворвался кричащий по-русски человек, взлохмаченный и небрежно одетый. У него на запястьях и на шее болтались какие-то украшения, а вид был такой, как будто бы его только что подняли по тревоге. Следом вбежала высокая и умопомрачительно красивая блондинка, также пребывающая в художественном беспорядке.

– О, вы вовремя, – улыбнулся потомок семьи Сильверхейм, снимая с себя верхнюю часть домашнего камзола, – Поможете?

– А..., так ты тут уже всё? – тут же разочаровался смазливый брюнет, рассматривая побойше.

– Не я, – педантично уточнил русский князь, – Сестры Ми. Мы с женой только посмотрели.

– Как сейчас смотрим на вас, – ядовито произнесла брюнетка.

– И с чем тогда помочь? – язвительно хмыкнул растрепанный человек, засовывая пистолеты себе за пояс.

«С перевязкой», подумал еле удерживающий себя в сознании Дарий. С перевязкой, идиоты.

– Я сначала думал связаться с Корочкиной-Одолеевской, а через неё с императором, – проговорил Дайхард Кейн, хватая одного из покойников за ногу, – Но потом понял, что толку не будет. Петру Третьему будет куда выгоднее взять в оборот оставшихся, чем возиться с этой «старой гвардией». Вон, смотрите, они почти все беловолосые. Возиться с ними не с руки. Да и шум вокруг кавара до сих пор стоит. Закинем их назад и сделаем вид, что вообще ничего не было. А императору я потом отчитаюсь.

«Что значит «не с руки»? Что значит «возиться»?», недоуменно подумал Дарий, а затем вздрогнул от резкого щелчка выстрела.

– Ну не с руки, так не с руки, – с ленцой проговорил только что пристреливший Зигмунда Сильверхейма брюнет, хватая еще дергающийся труп за ногу и волоча к порталу.

Еще двое, находящиеся в сознании Сильверхеймов, Мария и Саркель, попытались хоть что-то предпринять, чтобы не оказаться на месте Зигмунда, но их тела тут же задёргались от попаданий пуль из револьвера, удерживаемого княгиней.

– Мальчики, вы носите, – прозвучал холодный голос длинноволосой брюнетки, идущей с револьвером в руке к Дарию, – А я закончу.

Ч-что?

Дарий Сильверхейм, еще пять лет назад уверенно, хоть и неспешно двигавшийся к званию владыки двух миров, просто не мог поверить своим глазам. К нему деловито двигалась сама смерть по небрежному изъявлению воли мешка с костями, чьим смыслом существования было просто хранить один из самых ценных артефактов рода! С ним не собирались договариваться... просто потому, что не видели его, Дария Сильверхейма, не видели весь Великий Дом Сильверхейм, для Дайхардов они уже были просто...

...поставщиками арканита, удобными русскому императору. А сейчас их делают еще более удобными, банально избавляясь от тех, кто решился на боевую акцию!

– Не..., – выдохнул Дарий, напрягаясь и тараща свои белые глаза на черную сумрачную фигуру, наведшую на него оружие, – Не! Над...

Выстрел. Его он не слышит. Хрупкая девушка, каким-то чутьем угадав, что лежащий перед ней бледный человек в белых одеждах значимее других, выбивает ему мозги, а не пускает пулю в сердце.

– Иногда, чтобы старый лев выжил, ему нужно отрезать яйца, – задумчиво бормочет князь, таща второго покойника.

– Кейн! – возмущенно окликает его жена, а затем, добив последнего из Сильверхеймов, разворачивается ко второму «носильщику», – Петр, если забеременеешь нам Пиату, я тебе устрою очень веселую жизнь!

– Где-то я уже это слышал..., – бормочет Петр Васильевич Красовский, волоча покойника по паркету, – Но почему-то появилось искушение попробовать...

Глава 1

Три недели спустя

– Кейн, как бы сказать... это для меня чересчур.

Произнесший эти слова старый сухощавый боярин стоял, опираясь на трость, и неуверенно поглядывал на стол своего зятя. Сам хозяин кабинета стоял около гостя, с интересом его разглядывая. Сам Игорь Юрьевич молчал, продолжая взирать на две стопки разумных гримуаров, которые ему было предложено забрать на... «реализацию». Подумать только, что за слово-то такое? «Реализация».

Она и... разумные гримуары. Книги одиннадцатых и двенадцатых цепей! Они, боярский род Терновых, защитники трона, и то начинали с одного тома Короля Терний! Всего одного! Целого одного! Чудом и помощью даймона этой книги найдя вторую! За сто с лишним лет династии! А тут этот... невозможный человек, ставший Истинным князем за пять лет после того, как появился в Санкт-Петербурге, предлагает ему по-простому, по-родственному – продать дюжину разумных чернокниг на Руси!

Продать!

– Ох, что-то мне нехорошо, – чуть покачнувшись, удачно симулировал боярин, пытаясь придумать, что ему делать. Отказать человеку, поднявшему с колен весь род, подарившего, можно сказать, княжество, было никак нельзя, но сам Игорь Юрьевич никогда не видел себя в качестве торговца такими вещами, поэтому лихорадочно думал, как съехать с темы.

Его крепко, но очень аккуратно подхватили под локоть. Глаза, сияющие зеленью, нашли его взгляд, а под ними нарисовалась широкая, но какая-то тревожащая улыбка.

– Я сейчас вызову врача, – пригрозил князь, – Прямым из Дворца Герцогов. Не волнуйтесь, дорогой папа, всё будет хорошо!

– Ох, – только и ответил ему тесть, испуганно забежав взглядом.

– Аркадий! – тем временем рывкнул Кейн Дайхард, – Зайди к нам!!

Деваться становилось всё более некуда с каждой утекающей секундой.

///

– Милый, не ожидала от тебя такой жестокости по отношению к папе, – с нотками упрека произнесла моя жена, стоя рядом и глядя, как её отец и братья скрываются в портале, – Ты бессовестный.

– Мне пришлось выдержать битву не на жизнь, а на смерть с его императорским величеством Петром Третьим, которого чуть удар не хватил от новости о наших гримуарах, – мрачно пробубнил я, – Лишь то, что мы буквально подарили ему Сильверхеймов, сообщив о полной ликвидации ядра этого заносчивого рода, помешало ему... слышишь, Кристина? Только помешало нормально сориентироваться. И то, он своим *разрешением* считай откупился от нас!

– Ну еще то, что он, как ни странно, не может «реализовать» книги, только подарить, – со вздохом признала мою правоту жена, – Но всё равно, это же папа...

Если быть честным, то нельзя назвать нашего «любимого» монарха именно жадным. Вот если у тебя миллион долларов, и он норовит отнять у тебя эти, в общем-то, небольшие деньги – тогда да, он жадный и вообще отморозок. А вот если ты где-то разжился пятком ядерных бомб, которые собираешься продать тому, кто может заплатить – то это уже не жадность, а банальный здравый смысл и самосохранение. Чернокниги на бомбы не тянули совершенно, хотя пара заклинаний, которыми умудрились пыхнуть пытающиеся ворваться к нам Сильверхеймы, сильно попортили отделку в гостевом зале..., но тем не менее.

– К тому же, я вовсе не уговаривал его начать трубить на всю империю, что Терновы барыжат разумными колдовскими книгами, – совершенно справедливо заметил я, – Но заняться этим именно такому достойному всяческого доверия дворянину, пока его дети заняты проектом с Азовыми – очень даже уместно.

– А ведь кто-то ему обещал спокойную старость в спокойном месте, – отвернувшись, буркнула жена, – Подружись еще с кем-нибудь, Дайхард! У тебя просто уже кончились те, на кого ты можешь что-то навьючить!

– Да, ваше сиятельство, очень правильное замечание, – покивал я, обнимая жену.

Стефания, смутившись, тут же погасила портал и, присев в быстром книксене, устремилась прочь со слегка красными щеками. Эту полненькую девушку, воспитывавшуюся до этого в Черноморском интернате для благородных девиц, неизмеримо смущали мужики в целом, а уж выражение межполовых чувств так вообще.

Её, дочь Истинного боярского рода Корочкиных-Одолевских, нам выделил сам государь, чтобы «эти Дайхарды имели хоть какую-то свободу маневра, может, потише будут», так что теперь мы имели возможность попасть с помощью Стефании в некоторые уголки нашего прекрасного мира под названием Сердечник. Мы отвели нашей гостье в меру роскошные гостевые палаты и, выделив двух служанок, пытались даже наладить общение, но Стефания пока бегала от нас как испуганная лань. Видимо, её мамаша или тетя, кем ей приходится посол Руси в Америке, я не знаю, рассказала много нехорошего про мою светлую личность, забыв уточнить, как именно она это всё обо мне узнала.

В общем, тишина и пугливость нашей гостьи устраивала исключительно всех. Пиата и Красовский крутили роман, гоблинши учились, Мао Хан, недавно вернувшийся из баронства Аркендорф, проливал ведра пота над нашими делами, зарабатывая себе и женам на категорически нескромное поместье, а я с женой занимался своими высокими делами. Проще говоря – пытались не дать нашему небольшому, но очень зубастому кораблю затонуть на рифах.

В данный момент мы «воевали» на один фронт, называемый Синдикатом, в то время как второй, куда более опасный, Общество, всё пытался удержаться от краха.

С первым тоже было не всё так гладко. Организованная преступность в Америке получила чудовищный удар за время «чисток», войны конкурирующих группировок и низовых банд, а также попыток местных авторитетов утвердиться. К этому ко всему приложила руку большая аристократия, всю выводив средства из полуполюгальных частных банков и вбухивая

их в государственные, чем получая льготы и преференции. Добавить к этому продолжающееся завинчивание гаек, строжайшую реакцию на любую попытку взбрыкнуть, и то, что господин Красовский грохнул одного из глав Синдиката, курировавшего все процессы на обеих материках... всё у моих недругов было крайне печально. Здесь. А вот в Аркендорфе, расположенном в Альпах, между Западной и Восточной Европами, Синдикат пока что был силен.

Сегодня я должен был принять участие в одной встрече, в Мюнхене, где некоторые заинтересованные лица, вдохновленные примером американских Герцогов, захотели поставить Синдикат на место – в конкурентную позицию с китайскими темными кланами.

Точнее, я туда отправлюсь в качестве сопровождающего. Этим парадом рулит моя жена.

Повязывая галстук, я быстро прогнал в памяти все предосторожности и меры, что принял за прошедшее время по защите своего американского дома. Казалось бы, не так уж и много – обработанные каваром поверхности и силовые доспехи, превращающие Шарпрок в крепость против магов, «бегемоты», возле которых постоянно бегают обученные люди, дэймон, ежесекундно отслеживающий всю территорию. Однако, добавилась и пара сюрпризов – контракты аж с тремя охранными агентствами, обязанными выслать вооруженные отряды по вызову с разговорника, плюс еще парочка сюрпризов, что может выскочить там, где в данный момент нахожусь я. Ну и уведомление гвардии, хотя на последнее я особо не рассчитывал.

Плюс сама хозяйка всего Шарпрока, владетельная княгиня, её Тернейшество, Кристина Игоревна Великолепная. Такой она стала после того, как некий господин Красовский, то ли в качестве извинения, то ли из желания сделать первое доброе дело в своей жизни, но подарил моей жене комплект защитных артефактных украшений, которые до этого годами таскал сам. Где-то он разжился более крутой версией, причем я подозреваю, где.

Да, чуть не забыл. Петр Васильевич. Игнорировать этого господина, проживающего у меня, тоже не стоит.

– Кейн! Дружище! А мы идём с вами! – вслед за белозубой улыбкой в дверь ко мне вдвинулся вышеупомянутый тип, разодетый как на прием, с белокурой высоченной красавицей на прицепе, которая, вообще-то, является моей личной служанкой, но манкирует обязанностями с такой силой, что мы, если б могли эту силу запасть, вполне могли бы ей и торговать! Со странами.

– Хозяин, ну вам всё равно не нужен личный слуга! – заморгала белобрысыми ресничками эта двухметровая прожора, – Ну разве что как сейчас...

– А сейчас-то зачем? – озадачился я.

– Её сиятельство попросила, – взмахи участились, от чего Пиата стала выглядеть эталонной блондинкой, – Для представительности!

– Сама напросилась, – тут же определил я, – И Петра с собой потащила.

– Точно так, – злодейски ухмыльнулся Красовский, – сказала: «Койка – это, конечно, хорошо...»

– Эй!!! – аж подпрыгнула эйна, густо краснея.

– Вы нашли друг друга, – резюмировал я, заканчивая одеваться, – А уж скучать обоим явно надоело. Увы, у нас тут довольно невесело.

– И не говори, Кейн. С моим предыдущим местом работы не сравнить... хотел бы я тебе соврать, но ты знаешь, как работает репутация? Вот. Веселые пострелушки быстро сменяются простым запугиванием...

– Научи как, а? – с тоской я глянул на бандита-простолюдина, собирающегося пойти со мной на светский раут аристократов, – А то я уже устал отстреливаться...

– Ну разумеется... не научу! – осклабился Красовский, – Тогда с тобой тоже станет скучно! А мне пока не хочется в Африку!

Какая прелесть.

Сам прием, на котором Кристина решила собрать единомышленников по борьбе с организованной преступностью, сразу показал, что у большинства пришедших были совершенно другие планы, особенно после того, как они увидели меня. В основном эти планы были связаны с острым желанием вклиниться на рынок силовых доспехов, но без малейшего понятия о том, как именно. Учитывая, что моя мрачная жена совершенно не желала общаться на посторонние темы, искатели выгоды тонкими ручейками текли ко мне, где князь Дайхард, мило улыбаясь, их прямо спрашивал: «А что вы готовы сделать во имя нашей общей борьбы с организованной преступностью? Именно сделать? Деньги нам не нужны, их у нас очень много, нам нужны союзники, которые будут проливать рядом с нами кровь!».

Иносказательно, конечно.

Кровь проливать никому не хотелось. Даже не так. Всем, кроме женщин, пришедших именно для общения с княгиней Дайхард, категорически не хотелось ссориться с крупнейшим преступным образованием в Европе, пусть и испытывающим катастрофические сложности в Америках и сильное давление от кланов Китая. Синдикат – это защита, это выверенные порции наркотиков по надежным ценам, это информация и поставки алхимических препаратов с любого края мира. Синдикат – это лавочка вне закона, столь нужная любому аристократу.

Если бы не наши с женой титулы, я более чем уверен, что переговоры попытались бы сорвать, но здесь, в Германии, пиетет немцев перед равными герцогами князьям был очень высок. Отдельно стоило взять Красовского – они с Пиатой, подчиняясь моим тихим указаниям, курсировали по залам, останавливаясь у групп, проявлявших ненужные интересы, что работало как настоящая бомба. Жены утаскивали мужей, внося переполох, женщины теряли ход мысли и стратегии при виде юной высшей эйны, а у престарелых баронетов и виконтов тут же начинался период легкого гона.

Мне же пришлось сторожить Стефанию Корочкину-Одолеевскую, чувствующую себя здесь как цыпленок посреди волчьей стаи. Истинная боярышня робко клевала воздушную зефирку, по сторонам как будто в испуге, что отнимут. При взгляде на Красовского бедолагу начинало трясти – она знала кто он.

– Рекомендую расслабиться, боярышня, – утешительно пробурчал я полненькой пожирательнице сладостей, – Здесь если и кусаются, то только после того, как заключат ту или иную договоренность. Скучные и нудные разговоры, полные намеков – это всё, что вам тут грозит.

– Я... постараюсь, – моргала барышня своими небольшими глазками, – Тетушка говорила, что это необходимо...

Еще бы. Правда, для будущего дипломата такой уровень наивности и неопытности чересчур высок для почти двадцати лет (что считается перестарком), но сейчас у многих Истинных семей мира появилась возможность плодить детей как порталные точки, а не в качестве будущих ревнителей. Силовые доспехи здорово снизили смертность ревнителей.

Не успел я обдумать эту мысль, как был «атакован» группой подтянутых молодых аристократов, оказавшихся как раз теми самыми ревнителями. Ну, это для большинства они казались молодыми, а так, прикинув средний возраст засыпавшей меня комплиментами группы лет в двадцать пять, я понял, что они почти все вплотную уже подошли к порогу смертности для их ремесла. Потому, кстати, хвалебные слова и предложения дружить сыпались одно за другим – господа с чернокнигами прекрасно понимали роль моих доспехов в их появившемся будущем.

Это стало внезапной дипломатической победой рода Дайхард – ревнители-ветераны, отличаясь вынужденным аскетизмом, с полным пониманием отнеслись к моему конфликту с Синдикатом. Им понравилась мысль, что этот больной зуб можно выдернуть, если уже шатается, так почему бы, скажем, не предложить своим многочисленным знакомым хотя бы снизить темп покупок или не начать торговаться? Китай, конечно, плохо, куда хуже, чем свои, европейские, бандиты, но Китай будет слаб.

– А еще они развивают технологию алхимических накопителей, господа, – наябедничал я, – Вы представляете себе перспективы этого направления? Позвольте, я вам расскажу!

Сильверхеймы (почти покойные) заслуженно пользовались ненавистью и завистью всего мира за свой уникальный арканит, так что и возникновение дешевого искусственного аналога накопителей тоже вызвало у ревнителей воодушевление. Тут можно Китаю и приплатить! Пусть напрягаются, шлифуют технологию!

– Уверяем вас в нашей всемернейшей поддержке! – пролаял лидер ревнителей на германском, пожимая мне руку, – Даю слово, что не пройдет и недели, как об этом разговоре будет знать вся Европа, или я не Ганс Кайзенберг!

Мелочь, а приятно. Из мелочей строится либо система, либо таран для её краха. А еще я понял, почему обладатели большого резерва редко выходят в высший свет – наши глаза светятся слишком ярко, а черные очки носить в таком месте не комильфо. В этом плане везет только Кристине, у неё радужки просто как черные дыры, поглощающие свет (и чужие души), а вот от моих моргалок взгляд отводят всё чаще и чаще. Неудобно и вызывающе.

Вскоре супруга подошла ко мне, а следом за ней прибыли и Петр Васильевич с изрядно покушавшей Пиатой. Оставив Красовского и эйну охранять нашу порталыщицу, мы решили пройтись напоследок по залам, прощаясь с новыми знакомыми.

– Можно сказать, очень удачно слетали, – тихо пробурчала мне жена, – Если бы не пришлось сегодня еще увидеть старшую Корочкину, я бы была счастлива.

– Держу пари, что чаем она нас точно поить не будет, да и плюшек не выставит, – буркнул я, улыбаясь краем рта паре томных дам, сделавших мне ранее пару нескромных предложений, – Переживем.

– Да, остальные вопросы уже можно решить по разговорникам и через Корочкиных, номера я взяла. Отправляемся домой, – кивнула моя брюнетка.

Дома, точнее в резиденции Корочкиных-Оболенских, наше хорошее настроение было моментально стёрто – полненькая боярыня-дипломат выглядела бледно, испуганно и напряженно. А еще вокруг неё в комнате стояли несколько вооруженных автоматами человек, посматривающих на нас оч-чень нехорошо.

– Как это понимать?! – лязгнул я, выходя вперед и кладя руку на гримуар.

– Успокойтесь, пожалуйста! – торопливо завопила круглая тетка, – Они лишь для моей защиты!!

– Защиты?! От нас? – Кристина, защищенная амулетным комплексом, за спиной сидеть не захотела, а выступила вперед, с револьвером в руке, – С какой стати?!

– Это была ошибка! – взвыла боярыня, – Я ошиблась! Пожалуйста, не стреляйте! Просто ваш дом... ваш замок...

– Что с ним?!!

– Его взорвали!!! – зажмурившись, выпалила Корочкина-Одолевская, – Бомбардировка!! Не губите! Это не я!!!

Стефания, всхлипнув, осела там где стояла, закатывая глаза и мелко содрогаясь.

Глава 2

Мы стояли и смотрели на то, что еще несколько часов назад было дворцом Шарпрок. Теперь это был просто холм, на вершине которого с большим трудом можно было угадать жалкие останки здания. Совсем жалкие, да и то лишь за счет того, что черный камень разбомбленного здания, лежа кучами, намекал, что здесь что-то стояло. Местности вокруг так же сильно досталось, осколки, летя с холма, добрались до всех соседних зданий, хотя тут в любую сторону было не менее сотни метров...

– Дирижабль, – глухо произнес я, – висел здесь долго...

– Достаточно, чтобы его успели сфотографировать, – сумрачно добавил Петр Васильевич, – неоднократно.

Воздушный корабль может уделать любой самолет по грузоподъемности, чем в свое время воспользовались германцы, создав свои знаменитые дирижабли-бомбардировщики. Тем не менее, это были военные суда, относительно небольшие, быстрые и маневренные. Здесь же кто-то нагрузил чуть ли не пороховыми бомбами грузопассажирского титана неба...

Его угнали прямо с эллинга, а затем, неторопливо нагрузив с баржи в море, отправили через весь город на Хэвен Гарден, где огромное воздушное страшилище, совершенно ничего не стесняясь, произвело пристрелку по Шарпроку, а затем начало вдальбивать дворец в землю, чем и занималось больше часа.

– Хозяин, я сделал всё, что мог..., – подавленный козлоголовый Аквариус, чью книгу, выбитую взрывом со специального пьедестала, сейчас удерживала бледная и злая Пиата, был полностью сокрушен произошедшим.

– Ты сделал достаточно..., – выдохнул я, – Это дорогого стоит. Ладно, идемте отдыхать, разбираться будем потом.

– Пойдите, ваше сиятельство! – тут же возмутился усатый мужик преклонных лет в костюме полицейского, – Нам незамедлительно требуется взять у вас показания!

– Это, – ткнул я в развалины собственного дома, – Прямое доказательство вашей вопиющей некомпетентности! Дворец бомбили час! Слышите, час! Раз вы, полиция, ждали так долго, то подождете еще сутки! Заодно претензии соседей соберете, да разъясните им, что претензии эти должны быть обращены к городскому главе, а не к князю Дайхарду! А вообще – нет! Мне будет угодно завтра спросить у Герцогов, как этот акт военной агрессии вообще стал возможен в центре города! Свободны!

Говорил я достаточно громко, чтобы зеваки, уже скопившиеся здесь во внушительном количестве, донесли мои слова до всех заинтересованных ушей. Убедившись в последнем, я открыл портал и вернулся на Гарамон вместе с сопровождающими.

Боярыня Корочкина не зря волновалась, она знала, что на раут мы отправились вдвоем с Кристиной. А что это значит? Значит, что дочь, Алиса Кейновна Дайхард, осталась дома, во дворце, который был буквально стёрт с лица земли. Зная о моей дурной славе, сходящая с ума от страха толстушка не нашла ничего лучше, чем вооружить своих слуг чем попало для подстраховки, из-за чего чуть не случилась трагедия.

Не случилась она, по правде говоря, лишь потому, что Алиса, как и большая часть домашних, были на Гарамоне.

– Двадцать один «бегемот», мобиль, дворец, мелких и личных вещей почти на полмиллиона... рублей, – мрачно перечисляла Кристина, держа в руках длинный список, заполненный убористым почерком, – Обстановка дворца, Кейн... Я точно не могу предположить, но Аквариус утверждает, что если брать всё, включая и то, что хранилось в подвалах, то наберется еще на три миллиона долларов. Сам дом я считать не буду, там слишком сильно все от аренды зависит, но есть еще и вопрос кавара! Сколько мы потратили на защиту замка?

– Много, – вздыхал я, – Но вот об этом упоминать я не буду. Что оценивается в деньги, то можно и купить. Главный вопрос – что делать дальше.

– Мстить! – вспыхнули черным глаза супруги.

– Та! – поддержала ту сидящая на нашей кровати дочь, пытающаяся с помощью расчески сделать Курву новую прическу. Пес, положив огромную голову на край постели, млел от почесываний.

– Это был не Синдикат, – мрачно уронил я, – Они никак не смогли бы узнать, что мы собираемся отправиться в Германию.

– Ты сейчас не обижайся, но раз это было покушение на Алису, я обязана это озвучить, – посуровела жена, – Красовский.

– Я подумал об этом в первую очередь, – нехотя выдавил я, – Но не бьется. Синдикату незачем выводить Истинного из равновесия, у них столько отделений, что я, благодаря друзьям и бизнес-партнерам, могу годами «прыгать» по ним, каждый день купаясь в крови и принося чудовищные убытки. Нет, это были «раскольники» из Общества. Слишком масштабная, слишком хорошо организованная акция... при этом рассчитанная на то, чтобы «выковырять» нас из крепости. Уйти мы можем только на Гарамон, а это значит, что точка выхода будет известна, как сейчас. Мы стали очень уязвимы.

– Согласна. Что будем делать?

– Сейчас отправлюсь на Сердечник и попрошусь к Дарквиллу, – озвучил я свои планы, – Перенесем к нему точку портала, получим передышку, будем думать. Действовать надо срочно...

– Нет, Кейн не так! Бери с собой Стефанию, – Кристина неожиданно разволновалась, – Сразу прыгайте к этой толстухе! Тебя наверняка просчитали!

Черт! Она права! Надо шевелить задницей, пока вокруг толпа зевак! Это же ловушка!

Успели только за счет того, что очень четко все обговорив с нашей невинной курочкой, я не постеснялся одолжить у Красовского его амулетный набор. Петр Васильевич, легко расставшись с абсолютно бесценной бижутерией, тут же заслужил в глазах Кристины три вагона прощения и маленькую тележку разрешенных с Пиатой детей. Это нашу боярышню и спасло – как только мы высунулись из портала, по нам открыли огонь с крыш!

Взгляд младшей Корочкиной-Одолевской, когда от её головы отскочила пуля, был просто бесценным, а мне пришлось буквально заносить полненькую девушку в её же портал, пока кругом орали и разбегались люди. Надеюсь, хоть это простимулирует местных в достаточной мере.

Герцога в имении не оказалось, я с ним связался по разговорнику, получив полную поддержку и разрешение «приютить» точку выхода портала на его территории. Мне под это дело даже выделили отдельную залу в доме, поставив вооруженную охрану у дверей. Убедившись, что пока тылы прикрыты максимально надежно, я влил в трясущуюся Корочкину два стакана водки, а затем вернулся с ней на Гарамон.

Ситуация стала легче, но лишь в очень краткосрочной перспективе. Крепость на Гарамоне была нами обжита за последние три недели, но только как перевалочный пункт. Здесь совершенно не было ресурсов на толпу аж в двести пятьдесят живых существ, а заказывать их у гоблинов я банально опасался. Несмотря на то, что им как расе сейчас угрожала катастрофа, на контакт со мной обитатели Гарамона не шли.

– Кейн! – супруга меня встретила взволнованной и возбужденной, – У меня есть идея!

– Это очень хорошо! – подбодрил я её, – Рассказывай!

– Аркендорф! – выдохнула бывшая Тернова со сверкающими глазами, – Аркендорф!

– Что Аркендорф?

– Мы можем перебраться туда! Устроить дом там, а Гарамон использовать как перевалочную базу! Сделать то же, что сделал Герцог сейчас для нас – изолируем порталный зал, установив там все необходимое, а всех перевезем в швейцарское баронство!

– ...милая, ты не забыла, что Ария, как и Медичи, нас теперь сильно недолюбливает?

– Нет, милый, это тебя они сильно недолюбливают, а со мной у них отношения более-менее нормальные! – широко, как еще никогда в жизни, ухмыльнулась моя супруга, – А с Пиатой у красноголовой дурищи вообще все прекрасно!

– Этого недостаточно.

– Поверь, все будет хорошо!

С Арией фон Аркендорф мне пришлось поступить максимально русским способом в свое время. Убедившись, что девушка не способна адекватно воспринимать реальность даже после «школы жизни» от закоренелых преступников, мы предложили барону Медичи, связавшемуся

с этой бедой, альтернативное использование Арии – а именно искусственное оплодотворение нашей не совсем обычной знакомой. Затем её, собирающуюся дать продолжение роду, оставляют на попечение подданным Аркендорфа и её личному даймону, гримуару книги Огненного Заката. Таким образом каждый из нас получал то, что хотел. Фурио Медичи – свободную от прежних обязательств женщину и мать своих детей, жители Аркендорфа и Спигон – надежду на адекватного наследника, Дайхарды – доступ к банку Аркендорфа...

Ну и Ария получала больше всех – безопасность. Мелочи, что она будет навеки отстранена от всех управляющих процессов и даже от воспитания собственного ребенка, ей казались невыносимыми, но после того, как я гарантировал ей деньги на кругосветное путешествие – баронесса прекратила мутить воду, а принялась смиренно сидеть под надзором Спигона в своей женской форме. Мужскую ей принимать запретили под страхом увечий.

– Ты точно уверена?

– Кейн, дорогой мой, поверь – они будут рады нам до писка! Люди замка могут быть не слишком довольны, но Никельбаккер устроит все. Наше присутствие в долине на порядок повысит их возможность противостоять китайскому влиянию!

Не то чтобы у нас был большой выбор, но уединенная горная долина в Альпах представлялась отличным убежищем. Я взял на себя переговоры с Медичи, когда придёт время, а пока принялся делать для американцев вид, что окапываюсь на Гарамоне. Они, через Герцога, охотно предоставили мне возможность закупаться нужными вещами в приоритетной очереди, несмотря на текущее военное положение. Еще бы, кто-то же был виноват в том, что оказался угнан дирижабль, а сухогруз, привезший несколько тонн бомб, спокойно дошёл до самого Нью-Йорка?

Через несколько дней все были уверены, что Дайхарды окопались в своем мире, а сам князь, как только закончит метаться в бронированном мобиле по Нью-Йорку, исчезнет из мира на несколько лет. Всё-таки, акция таких масштабов, имеющая последствия в виде натурально вставшего на дыбы правительства, в пять голосов обещающего «найти и покарать» террористов, – штука неслыханная. Имидж страны этот дирижабль подорвал едва ли не сильнее, чем сам Шарпрок.

– Вас пытаются обвинить в исчезновении того, кого мы знали как Боб Уолш, – за вечерним чаем признался мне Дарквилл, – Наши идеологические оппоненты утверждают, что видели его после перерождения. Потеряв с предыдущим телом большую часть своих возможностей, он собирался выступить медиатором в разделившемся Обществе, а для этих целей хотел первым делом объяснить с вами, Кейн. И вот, он исчез...

– Ничего об этом не знаю, – качал я головой, – Но это же мало кого волнует?

– Не скажите, – телокрад в теле престарелого сухоощавого человека с унылым лицом породистого англичанина ухмыльнулся, – Это подогревает текущий конфликт. Наша партия обвиняет оппонентов в том, что они это подстроили – выжимают из наиболее бесполезной фигуры еще хоть какую-то пользу. Мол, бывший Уолш сейчас отдыхает где-нибудь в Зеландии, предоставляя своим союзникам возможность оправдать свои решения.

– Вроде дирижабля, набитого бомбами?

– Именно так, князь, – щека Герцога нервно дернулась, – Это была крайне масштабная и очень неприятная акция для всех нас. Если бы вы потеряли самоконтроль и кинулись мстить – она бы увенчалась полнейшим успехом, но и так смогла нанести крайне большой ущерб. Мы на грани того, чтобы пойти в открытую друг против друга. Страна подобного может не пережить.

– Вы таким образом предупреждаете меня, чтобы не искал обидчиков сам?

– Нет, князь. Я подвожу наш разговор к тому, что ваша же идея исчезнуть на некоторое время в своем мире – крайне удачна для воплощения прямо сейчас. Столкнувшись с фактом, что вы исчезли из реальности на год или два, думаю, наши оппоненты здорово убавят в прыти. Мы должны выровнять всю эту ситуацию как можно скорее!

Отрадно было видеть такое стремление меня защитить и всех помирить, только покупаться я на это не собирался. Половина Общества берегла меня не потому, что я был им нужен, а из-за моего блефа – когда-то я им пригрозил, что знания о иномировых технологиях попадут в руки правительств по всему миру, стоит мне склеить лапы. Теперь половина всех телокрадодов хотела меня убить несмотря на это, а вторая защищала, понимая, что в ином случае на Сердечнике воцарится такой бардак, что искать Книгу будет просто-напросто невозможно.

– Хорошо, – неохотно согласился я с доводами Герцога, – Будь по-вашему. Я исчезну. Только ни о каком безвылазном сидении в своем мире речь идти не будет. Я не собираюсь просто-напросто вручать свою судьбу в ваши руки, тем более с таким продемонстрированным уровнем некомпетентности в национальной безопасности.

– Что вы предлагаете? – нахмурился Герцог.

– Ничего, – приятно улыбнулся я, – Информую вас о том, что временами буду появляться где-нибудь на Сердечнике. У меня есть кавар, есть знания, есть... кое-что еще, а также есть желание совместить эти три пока никак не пересекавшиеся ресурса. Ради собственной безопасности, естественно.

Мой собеседник нахмурился и замолчал на несколько минут.

– Зачем вы мне это сказали? – почти потребовал Герцог, выйдя из собственных размышлений.

– Считайте это декларацией намерений, Дарквилл, – отрезал я, вставая, – Меня затащили в это Общество, огульно обвинили, теперь пытаются убить. В то время, если мне не изменяет память, как я единственный член Общества, который хочет найти Книгу не для себя, а для вас. Проверенный и оправданный лично вами. Который неоднократно шёл навстречу вашим просьбам. Теперь, раз на моей чаше весов маловато, то придётся присовокупить еще что-нибудь!

– Ладно, я вас услышал! – поднял ладони один из правителей Объединенной Америки, – Но у меня есть встречное предложение!

– У вас?

– У нас всех, – поправился Дарквилл, – Скажите, князь – вы знаете что-нибудь о... драконах?

///

Акстамелех, тряхнув гривой медно-рыжих волос, раздраженно посмотрел на разговорный аппарат, лежащий на сигарном столике. Примитивная поделка вот-вот должна была разразиться звоном, призывая древнего ящера вновь унижаться до общения с мерзкими тварями, ворующими чужие жизни, тела и свободу, но избежать подобного было нельзя. Склоки и свары этих недоумков довели ситуацию до взрывоопасной, и теперь он, лично, должен был вмешаться в происходящее.

Недотёпы...

В ростовом зеркале, обрамленном прихотливо сплетшимися бронзовыми драконами, отражался мощный и высокий мужчина, белокожий и широкоплечий, с жестко вырезанными чертами лица. Грива рыжих волос, ниспадающая ниже середины спины, была визитной карточкой Астамелеха, которую он упорно отказывался менять, невзирая на некую мифическую «безопасность», о которой талдычили остальные. Двадцать лет бодрствования на двадцать лет сна – и ничего менять не надо! Людишки сами поменяются и сами выдумают красивую легенду о графах Хайтауэрах, проживающих в уединении, но неизменно демонстрирующим на публике лишь старшего из сыновей...

Ложь. Зачем лгать, когда можно просто молчать? Все остальное сделает родовая слава о нелюдимах, жестоких, но справедливых Хайтауэрах, хозяевах Чикаго.

Именно хозяевах и никак иначе. Весь город считался безраздельным владением дракона Астамелеха, его логовом. Любое несанкционированное проникновение на территорию он считал актом вражды, а уж ответить на подобное сил у него всегда было достаточно! Одиночка?

Да. Только в отличие от большинства тварей этого самого Общества, Акстамелех никогда не был человеком или еще какой низшей тварью, чудом умудрившейся заскочить на ступеньку повыше. Он всегда был и останется вечным драконом, повелителем неба! Мимо пройдут тысячелетия, сменятся эпохи, но Бесконечная Книга Правил окажется в его когтях!

А остальные сами себя уничтожат суетой. Вот как сейчас. Правда, придётся приютить у себя человечка с самкой, но кто сказал, что у красноволосого графа Хайтауэра не найдется занятия для столь интересной мартышки? Всё-таки, если его побеспокоили, то он получает ответное право побеспокоить в ответ!

Если твари, ворующие тела, перебьют друг друга, то дракону станет куда спокойнее жить...

Разговорник противно зазвенел. Красноволосый лорд, брезгливо морщась, протянул к нему руку.

Глава 3

Есть на вокзалах определенная романтика, как для уезжающих, так и для впервые приехавших. Неизвестность манит своими нечеткими очертаниями что королей, что грузчиков. Князей тоже, их обычно встречают. Это лишает картину части мечтательной зыбкости, но деваться от "noblesse oblige" некуда. Тяжкая ноша белого человека.

– Меня ждете? – поинтересовался я у стоящего перед пятью крепкими серьезными мужчинами джентльмена в пенсне, фраке и лайковых перчатках.

– Если вы – Истинный князь Дайхард, то несомненно, – слегка поклонился джентльмен, стараясь не отвести взгляд от моего лица.

Глаза – не только зеркало души, но и буквальное доказательство твоего статуса и крови. Первым же делом закажу очки.

– Это я и есть.

– Извольте путешествовать без багажа и семьи? – с еще одним поклоном поинтересовался встречающий, – Джейкоб Лейшковиц, ваше сиятельство. Второй секретарь графа Хайтауэра. Добро пожаловать в Чикаго.

– Изволю. Ведите, уважаемый.

Чикаго, особая зона в Объединенной Америке. Огромный, стремительно развивающийся город, в котором всё, так или иначе, принадлежит всемогущему Хайтауэру. Его слово – закон.

– Как это понимать, господин Лейшковиц? – спросил я, сидя в мобиле представительского класса, везущим нас по очень чистым улицам города.

– Уверяю, что буквально, – не задумываясь, ответил секретарь, но тут же поправился, – Граф не претендует на власть над всеми и каждым, но не дает им забыть, что они у него в гостях, не более того. Законы Чикаго мало чем отличаются от тех, что имеют место быть в других городах, но любое их нарушение воспринимается как покушение на власть его светлости. Тут есть один небольшой нюанс – чем выше статус того, кто совершил подобное, хм, покушение, тем острее будет реакция.

– То есть, стоит мне побезобразничать в ресторане..., – с понимающей улыбкой протянул я.

– ...в таком случае неудовольствие графа будет неизмеримо, – с самым серьезным видом кивнул его секретарь.

– Очень эффективная система, – похвалил я, умудрившись сильно удивить своего спутника, – Думается мне, бароны Иллинойса и Айовы сюда заглядывать не любят?

– Они считают этот город проклятым, ваше сиятельство, – позволил себе намек на улыбку Лейшковиц.

Что такое дракон? Это огромная летающая ящерица с бесконечным жизненным сроком, приблизительно таким же магическим резервом, и снабженная крайне отвратительным характером. Высокомерная склочная тварюга, готовая лезть в драку при малейшем вызове... в нормальных обстоятельствах, а уж когда она находится в своем логове, то все предыдущие качества можно умножать на два. Каким образом Общество нашло общий язык с этим летающим гадом – я не понимал, но, по страданию во взгляде рассказывающего мне это Герцога, имел представление, насколько это было сложно.

Единственное «но» – никто и никогда не называл Акстамелеха тупым, а это значит, что хозяин Чикаго прекрасно понимает, зачем ему подсовывают такого гостя.

– ...я не против того, чтобы несколько мартышек со свербящими задницами сами сунулись ко мне в пасть, наживка, – скажет мне спустя полтора часа высокий здоровяк с феерически здоровенной рыжей гривой, – Но, чтобы я насладился их тупостью, а ты спас свою шкуру, тебе нужно послушно...

– Прежде чем я разозлюсь достаточно, чтобы проверить, насколько хорошо твоя шкура выдержит антимагические пули, дракон, – прервал я его, – Давай проясним пару вещей мирным способом? Или сразу перейдем к делу?

За дверью зала, в котором изволил меня принимать «лорд Хайтауэр», послышался грохот. Кажется, кто-то упал в обморок.

Рыжеволосый смерил меня долгим задумчивым взглядом, в котором мелькали отблески ярости.

– Не хочу громить собственный дом, – рыкнул он, – Я тебя выслушаю, если пообещаешь потом выйти из него!

«Чтобы я мог тебя сожрать»

Дом Акстамелеха – это Тауэр-холл, самый большой замок в мире. Натуральный город, сжатый несколькими кольцами стен. Когда-то он был невероятно красив и неприступен, а теперь просто внушает сложные, но сильные чувства. Особенно десятками противоздушных скорострельных установок, натканных на стенах и балконах. Дань гигантизму, нарциссизму и милитаризму выплачены с размахом.

– В своем величии, Акстамелех, ты замечаешь только глав Истинных родов, – размеренно проговорил я, – Тебе не нравится видеть повелителей миров...

– Не миров, а жалких бездомных паразитов! – еще сильнее взбесился здоровяк, до хруста сжимая кулаки.

– Да плевать, – благодушно махнул я рукой, – Мне Дарквилл рассказал. С обычными смертными ты с удовольствием играешь в игру смертных. Кланяешься королям и герцогам, улыбаешься дамам, вежлив и галантен. Тебя это смешит и развлекает. Есть такие люди, увлекающиеся мирмекологией, они держат дома муравейники, а у тебя вместо них люди и Чикаго. Я не против, каждый живёт так, как хочет. Но унижать себя я не позволю. Я прибыл к тебе не как проситель, и не нуждаюсь в твоей защите.

– Мне сказали другое..., – ящер в облике человека прищурил глаза, почему-то успокаиваясь.

Красивый, засранец, подумалось мне. Слухи про то, что этот чешуйчатый гад редкостный бабник уже не казались такими уж слухами.

– Ты слишком могуч и властен, – оскалился я, – Предпочту разрабатывать средства массового поражения в другом месте. Здесь мне требуется просто выход для портала. Вот это место вполне можно именовать наживкой.

– Ты говоришь мне что делать?! – аж заревел лорд Хайтауэр, выводя свой голос за пределы человеческого. Только мне показалось, что этот рев уже для остратки, а не из глубин души.

– Нет, я просто говорю. Уже сказал. А теперь, если тебе угодно, идём туда, где можно будет друг друга поубивать без проблем.

Дракона я не боялся, просто потому что тут уже мешалась собственная гордыня и упертость. Акстамелех могущественная и ревнивая тварь, терпеть ненавидящая тех, у кого есть то, чего нет у него, мы бы с ним в любом случае не подружились бы, это мне Дарквилл сказал сразу. Единственная возможность наладить с ним нормальный контакт была в отстаивании собственного статуса. Проблема? Безусловно. Но только любой, даже самый отбитый член Общества сто раз подумает, перед тем как сунется к этому крылатому говнюку. Риск вызвать ненависть древнего ящера слишком высок.

– Ты похож на эту скользкую гниду, Дракариса, – внезапно совсем остыл двухметровый верзила, выглядевший до этого так, будто готов был на меня кинуться здесь и сейчас, – У той твари было полно неприятных сюрпризов...

– Могущество, гордость, мерзкий характер, – ухмыльнулся я, – Всё всегда идёт вместе.

– Удиви меня, – подумав, потребовал дракон, – Покажи один из своих сюрпризов. Тогда я заберу назад свои обидные слова, и мы продолжим общение. Уважительно, человек.

– Это намного лучше, чем драка с драконом в его доме, – кивнул я, снимая со стола подсвечник и замораживая её Методой Сильверхеймов, – Вот.

Куски ставшего невероятно хрупким металла, падая на паркет, разбивались в мелкое крошево. Отряхнув руки, я прогнал по ним своё электричество, сбросив разряды, а затем устался на молча наблюдавшего Акстамелеха. Хорошо, когда такой Методой можно пользоваться без оглядки на Сильверхеймов...

– Удивил..., – медленно кивнул рыжей башкой граф, – В самом деле удивил. Подобного я не видел. Два Лимита?

– Кто знает..., – пожал плечами я, улыбаясь.

Драконы – жуткая ошибка природы. С ними нельзя договориться, нельзя найти общий язык, потому что они ни в чем не нуждаются, а еще считают себя выше всех разумных рас, вместе взятых, а что хуже всего – обладают немалым количеством предпосылок так делать. Единственный вариант хоть как-то наладить диалог с ящером (именно диалог!) – доказать ему, что ты способен причинить ущерб куда больший, чем стоит его желание поживиться за твой счет. Причем, доказать вежливо.

В общем, всё как в большой и маленькой политике. Он был большой и страшный, а я стер из реальности демона. Мы оба отличаемся неуступчивостью, мерзким характером, но неплохо можем в манеры и обходительность, чтобы, слегка сдав назад, обсудить возможное будущее.

– Кажется, он тебя просто прощупывал, – скажет Кристина спустя несколько часов, когда я буду рассказывать ей это в небольшой комнатке южной башни замка Аркендорф, – Или пытался прогнуть.

– Знаешь, это не очень важно, – вздохну я, – Мы договорились. Правда, придётся нам с тобой отыграть роль полноценных гостей графа Хайтауэра, но это тебе понравится. Театры, кинотеатры, рестораны, прочий культурный отдых. Несколько приемов. Нас будут сопровождать его агенты.

– Зачем это ему?

– Некто Дракарис, который, вроде, мой личный антагонист номер один. Член Общества, с пеной у рта убеждающий остальных, что если меня убить, то Книга прекратит свои манифестации и они смогут продолжить счастливо жить на Сердечнике, играя в местное человечество. Когда-то это существо больно щелкнуло Акстамелеха по носу и тот жаждет реванша.

На хлопоты амбиции ящерицы-отшельника не тянули. Наоборот, разгуливать по одному из самых безопасных городов планеты, да еще и в сопровождении личных слуг дракона, казалось отличным времяпрепровождением. Куда сильнее меня теперь интересовало смогла ли Кристина добиться своих целей в швейцарском баронстве.

– Oh sì, la signorina è felicissima della compagnia! Ma non lo dimostra, no! Non dimostra! (о да, молодая сеньора в восторге от компании! Но не демонстрирует этого, нет! Не демонстрирует!)

– Большое спасибо, мэтр Вергилий, вы, как всегда, неподражаемы! – с улыбкой поблагодарил чрезвычайно большого и чрезвычайно умного попугая, оставленного бароном Медичи своей беременной возлюбленной, – но я хотел бы послушать жену...

– Come desidera, monsignore! Sono fuori! (Как пожелаете, монсеньор! Я удаляюсь!), – выдал мне и хихикающей княгине попугай, садясь на спину тут же потрусившему на выход Курву. Интересно, и когда это мой бульдог стал настолько ездовым, что слушается любого наездника? Причем, ни сам пернатый, ни Алиса вслух никаких команд не отдают...

Ария меня ненавидела со всей страстью поставленной и закрепленной в неудобное положение девушки, но ничего делать не могла и не желала. С её проклятием «заражения» своих половых партнеров сменой пола, сама красноволосая могла рассчитывать только на искусственное оплодотворение, которое, по факту, и случилось. Более того, как по секрету поведала мне жена, в какой-то степени это девушке даже понравилось, потому что она боялась потерять хмурого и уверенного в себе итальянца. С другой стороны, то, что я подло «рассекретил» перед её подданными информацию о том, как она пролюбила старый портал, окруженный невероятно ценными камнями, баронесса восприняла очень и очень болезненно.

В тот момент я буквально убил её как баронессу фон Аркендорф. В глазах её людей, преданных и проданных. Теперь в замке была лишь беременная девушка, временная носительница титула и не менее временная носительница будущего барона или баронессы. Тем не менее...

– Когда ситуация станет менее угрожающей, я уверен, что все будут рады тому, что... баронесса Ария отправится в путешествие, – тактично озвучил тему старик Никельбаккер, управляющий замка, – А наши женщины благодарны вашим слугам за то, что те взяли на себя уход за... ней.

– То есть, в целом, вас всех устраивает наше пребывание в замке? – уточнил я прямо.

– Безусловно, ваше сиятельство! – горячо закивал простолюдин, – Вне всяких сомнений! Я взял на себя труд убедить достославного барона Медичи, тот изволил пребывать в сомнениях, но выслушав меня и доводы верных слуг рода, полностью встал на нашу сторону! Куда сложнее было убедить его вернуть свое благорасположение её светлости, но мы, слава Богу, справились и с этим!

Фурио тоже понять можно, взрослый мужик, озадаченный не только работой, но еще и целым своим баронством, а тут появляется молодая девка, буквально падающая ему на шею с таким ворохом проблем, что не знаешь, за что хвататься. Разумеется, он как настоящий мужик – схватился за молодую задницу, нашедшую себе приключений, но как сознательный взрослый не отказался от помощи со стороны, чтобы эта задница для него уцелела. Да и дети, как бы, тоже аргумент. Плюс, ко всему этому, никто от него не требует быть примерным семьянином, а так – сидит себе девка посреди Альп с чистой задницей и ждёт мужика у окошка. Кому такое не по душе?

Так что всю эту ситуацию можно считать полнейшим дипломатическим триумфом семьи Дайхард. И волки сыты, и овцы целы, и даже дракон доволен.

А теперь еще и бонус, нерешительно окликнувший меня, когда уже собрался уходить выплачивать супружеский долг.

– Ваше сиятельство, – позвал Микаэль Никельбаккер, – А не заинтересованы ли вы, случайно, в найме нескольких надежных парней?

Обернувшись, я с удивлением осмотрел старика, который, вместо того чтобы смутиться, наоборот, приосанился, объяснившись. Под «надежными парнями» он имел в виду шестерых швейцарских наёмников, продолжающих родовые традиции. Частично, за счет этих вояк, признался Никельбаккер, Аркендорфу и получилось хоть как-то прожить бедственные годы. Тем

не менее, мои девочки в «бегемотах» являются куда более внушительной и эффективной защитой в баронстве, так что у Микаэля выбор невелик – либо отпускать потомственных наемников в никуда на заработки, либо...

«Парни» оказались шестеркой псов войны, возрастом от тридцати до тридцати пяти лет. Спокойные и уверенные в себе швейцарские волкодавы, от которых буквально несло милитаризованным насилием. Увидев этих рослых мужиков, слушая от Микаэля краткую выжимку их профессиональных качеств, я понял две вещи – они мне нужны и... их точно не стоит показывать Красовскому!

Не удержится.

– Предпочту говорить начистоту – нанявшись ко мне, вы сильно рискуете не дожить до конца контракта, – просто сказал я им, – Не потому, что у меня много врагов, а потому что у тех, кто есть, люди подготовлены на высшем уровне. Самом высшем.

– Это полезные данные, – с акцентом на англиканском ответил один из них, – Но не более. Мы стоим дорого, но выполняем всё. Это традиция.

– Хорошо, – кивнул я, – С завтрашнего дня вы шестеро – мои секретари сроком на два месяца.

– Гм, секретари? – выдал опешивший Никельбаккер.

– Именно, – кивнул я ему, – Хорошо и скрытно вооруженные секретари Истинного князя Дайхарда. Круг обязанностей ничем не будет выходить за границы очень хорошего наемника-универсала, но зваться будете именно так. Плюс я обязуюсь транспортировать вас до места и после работы назад домой порталами.

– Нужно вычесть расходы на перемещение из контракта, – тут же заявил один из наемников Никельбаккеру.

Классные ребята. Узнал бы побольше об их традиции, но меня ждёт жена.

///

– Значит, он уехал в Чикаго? – слова медленно срывались с губ индейца, не разменявшего еще и полусотни, но при этом выглядящего как бы не старше. Глаза задавшего вопрос не отрывались от экрана эфировизора, показывающего немую комедию, выпущенную лет тридцать назад.

– Он был приглашен в Чикаго, – поправила его неясная тень, стоящая за спиной зрителя, – Самим Хайтауэром.

– Даже так? Мне нужно подумать.

Кадархиалла Ступающий по Траве мало что любил или ненавидел в своей жизни. Этим привилегий лишается тот, кто посвятил свою жизнь чему-то большему, чем создание потомства и обеспечение семьи пищей. Ответственность за десятки тысяч семей ежеминутно пыталась пригнуть короля к земле, но успеха не достигла ни разу. Тем не менее, человеком себя Кадархиалла чувствовал всегда, а люди имеют множество слабостей.

Одной из тех, которые он не мог и не хотел контролировать, было раздражение на двух его знакомых, каждого из которых Король Америки предпочел бы видеть в мертвом виде. Истинный князь Дайхард, бывший ручной убийца русского императора, небрежно рассуждавший о геноциде его, Кадархиаллы, народа, как о утомительном и отвлекающем, но несомненно выполнимом деле, и... граф Реджинальд Хайтауэр, «хозяин» Чикаго.

Человек, запретивший стойбища на «своей» земле. Представитель рода, пролившего реки крови тех, кто попытался его послушаться. Без доказательств, без свидетелей, безо всего. Племена находили на стоянках, все до единого были просто зарезаны, как на бойне.

Тогда трогать эту тварь было нельзя, но сейчас...? Когда в стране устанавливается новый порядок, а влияние Кадархиаллы растёт не по дням, а по часам?

– Дайхард совершит преступление против Хайтауэра, – озвучил своё решение Король Объединенной Америки, – в том случае, если мы не найдем способ сделать наоборот. Оскор-

бить русского от лица графа. Собери вождей, Хагороку, нам надо посоветоваться, как это лучше сделать.

А еще нужно досмотреть комедию. Кажется, он ничего не упустил из сюжета?

Глава 4

Прием в честь принятия высокого гостя граф Хайтауэр организовал в своём доме, огромном дворце Тауэр-холл, окруженном личным парком. Недостаточно большим, чтобы в нем водились дикие олени, но, наверное, я просто не приглядывался. Событие нам с Кристиной запомнилось тем, что на мероприятии простолюдинов присутствовало раз в десять больше, чем местных аристократов, а еще едва не случившейся дуэлью между драконом и Петром Васильевичем. Причиной была, конечно, Пиата. Единственное, что тогда спасло ситуацию – прямолинейность блондинки. Она уже успешно и вежливо отшила хозяина вечера, к тому времени, как до них добрался питерский бандит.

Тем не менее, определенное количество нервов ситуация нам сожгла.

– А ведь мы специально подготовились, – ворчала моя супруга, сидя перед зеркалом и нанося на лицо и руки увлажняющий крем, – я лично руководила пошивом платьев для нашей верзилы. Лиф был совершенно закрыт! Минимум косметики! Но вы, мужчины, обладаете каким-то сверхъестественным чутьем на большую грудь! По запаху её чувствуете, что ли?!

– Это в природе всех мужиков, дорогая, – бегло просматривая поданную Мао Ханом документацию, я боролся с искушением переправить нас с женой из этих гостевых покоев на Гарамон, – Ну а наш гостеприимный хозяин пусть и дракон, но точно мужик.

– Это зовется ксенофилией? – с сомнением уточнила любопытствующая супруга.

– Драконы индивидуалисты и отшельники, как мне рассказывал герцог Дарквилл, – с наименьшим сомнением отреагировал я на этот странный вопрос, – Поэтому ксенофилия – вполне обычное дело для этого вида. Тем более, что общих детей быть не может. И вообще, ксенофилия ли это тогда? Как думаешь, возможность зачатия является ли одним из необходимых элементов сексуальных отношений, подходящих под нужную классификацию?

– Вот об этом я и говорила! – тут же воздела в воздух пальчик супруга, ведущая себя совершенно иначе, когда мы оставались вдвоем, – Мужчины просто помешаны на этом деле!

Я многое мог бы сказать по этому поводу, но благоразумно решил промолчать. Распалить жену перед попаданием в постель – верный способ недобрать часов сна. Судя по негодующему фырку, можно догадаться, что кое-чьи коварные планы только что были подло нарушены. Ну да, любовь в логове дракона, с которым твой муж недавно стучался рогами и мерялся оскалом – довольно веселое приключение.

А так вышло не один раз. Еще до приема графу Хайтауэру не понравились мои секретари, он увидел в швейцарцах умаление собственной мощи и влиянию, а мои собственные слова о том, что мне плевать, насколько жестоко он отомстит за мою смерть, вообще чуть не спровоцировали драку насмерть. Однако, упрямый ящер в конце концов признал, что не собирается заморачиваться моей личной защитой, но и не вправе мне самому мешать о ней заботиться. Разница, как он сказал, невелика, важен лишь сам факт нападения на его гостя.

Сволочь чешуйчатая.

– Вы с ним очень похожи, – резюмировала моя брюнетка, подходя к кровати с ухмылкой на лице, – Только на тебя облагораживающее влияние оказываю я, а он одичал в своем Чикаго.

Ах так? Да?

Ну недосып так недосып!

Следующий день был посвящен покупкам. Внесловное общество на приеме у хозяина Чикаго оказалось очень кстати тем, что меня представили и познакомили с подавляющим боль-

шинством бизнесменов и бизнес-леди города, от чего мы теперь имели очень четкое представление о том, что и где искать.

Заглянув на оптовые склады, я пополнил с избытком запасы крепости Гарамона консервами, оружием и боеприпасами, посетив швейный цех, заказал то, чего нам давным-давно не хватало, а именно пилотных униформ для китайнок, затем, пообедав в компании провожатого от Хайтауэра и своих трех секретарей, отправился на встречу с женой, хлопочущей по своим делам в Аркендорфе. Она планировала закупить множество товаров, требующихся затерянному в горах баронству, чтобы окончательно поработить сердца местных.

– Зачем тебе это надо? – поинтересовался я у нее, когда мы прервались на обед в ресторане.

– Госпожа усиливает свои позиции, – вместо жующей Кристины ответила шкодливо улыбающаяся Пиата, – она поговорила с Рао Таном, и теперь они планируют воскресить старый проект. Помнишь, Рао Тан хотел жениться на Арии, чтобы получить возможность разместить свой клан в Аркендорфе? Теперь это же можно сделать безо всякой свадьбы, если клан Тан выберут как посредника.

– Так и есть, – кивнула Кристина, отпив чаю, – Почему бы и нет? У Тан за эти годы связь с империей сильно ослабла, они стали куда гибче, кроме того, Рао нам сильно доверяет. Аркендорфы и Тан – идеальный союз посредников для новой связи Запада и Востока.

– А Тан смогут переварить такой кусок? – нахмурился я, – Они, всё-таки, совсем мелочь по меркам Китая.

– Поэтому у них великолепные шансы занять эту нишу, – возразила Кристина, вилок отбиваясь от попыток Пиаты уволочь её пирожное, – Не являясь силой сами по себе, они, при этом, твои личные партнеры, так что определенные кредиты доверия тут есть. Договор о сотрудничестве получится неудобно жестким для всех, но зато надежным и долговечным. В любом случае это проект на десятки лет, который получит стартовый толчок лишь тогда, когда Ария родит.

«Став совершенно всем бесполезной»

– Медичи обещал забрать её в свое баронство, – догадалась о моих мыслях супруга, – После кругосветного путешествия. Навсегда. Пообещал прилюдно.

– И гримуар купит. Четырехцепный, – невинно добавила Пиата, – Ей больше и не нужно.

– Прекрасно. Хороший конец у хорошей сказки, – ехидно прокомментировал я коварство жены, буквально выгоняющей с помощью китайского клана итальянца и его бабу из родного дома, – Только что Синдикат?

– Здесь всё хуже, – нахмурилась Кристина, – У них здорово связаны руки, зато ходят слухи, что в Берне массово нанимают всех вольных стрелков. Как бы они не устроили в баронстве вольную охоту за жителями. Я говорю о чистом терроре, Кейн. Швейцарцы могут.

Могут. А еще они непревзойденные горные стрелки.

– Просто предупреди об этом Никельбаккера, – наконец, принял я нелегкое решение, – Швейцарцы, вроде, дома безобразничать не должны.

А если и будут, то это только поможет сплотить наш будущий союз.

– Ой, моё любимое! – неожиданно захлопала в ладоши Пиата, вставая навстречу подходящей официантке, несущей поднос с мороженым в вазочках, – Обожаю!

Девушка с подносом нервно и нерешительно улыбнулась высокой верзиле, ведущей себя как ребенок, чтобы в следующую секунду оказаться схваченной за волосы и ударенной лицом об соседний стол!

Душевно шарахнув раза три свою жертву, Пиата злобно прошипела что-то насчет яда, а затем, возглавляя молчаливо вставших за ней швейцарцев, устремила к бледнеющему метрдотелю. Отключившаяся девушка с полностью разбитым лицом сползла на пол, распластавшись на нем дохлой рыбой.

Она выжила, о чем, думаю, сильно пожалела, попав в подвалы Хайтауэра в этот же день, причем вместе с метрдотелем и даже хозяином ресторана, но продолжения этой истории мы не узнали.

– Дорогой, нам нужен магический определитель ядов и токсинов, – постановила Кристина, в чем я с ней был полностью согласен.

Этим полезным и невероятно дорогим прибором стоимостью в три с лишним сотни тысяч рублей удалось обзавестись у самого настоящего придворного волшебника графа Хайтауэра, работающего только и строго на нужды города. Сначала я сильно удивился от того, что подобный тип вообще существует, но внимательно разглядев его обсерваторию и лабораторию, понял, что под крылом нашего рыжего графа этот маг процветает намного больше, чем волшебники средней руки на Руси. У него даже подмастерья были, которые, кстати, и сделали нужный нам амулет, выполненный в виде небольшой серебряной коробочки.

– Его светлость хотел вас видеть, князь. Как только освободитесь, – сухо уронил потерявший к нам интерес волшебник, одетый в рабочую защитную робу с глухой маской-респиратором, – Он ожидает вас.

Расстаюсь с супругой, уводящей наш маленький табор из секретарей, блондинок и китайцев в гостевые покои, а сам иду на встречу с драконом.

– Три перехваченных покушения, одна попытка отравления, два снайпера, снятых с крыш! – этими словами встречает меня теперь уже на самом деле злой граф Хайтауэр, энергично расхаживающий по своему кабинету, – За один день! Дайхард! Тебе хоть раз говорили, что ты очень соответствуешь своей фамилии?!

– Неоднократно, – киваю, наливая себе в заботливо ожидающий на столе стакан неплохого коньяка, – Но я её себе сам выбрал, когда решил, что с Сильверхеймами не желаю иметь ничего общего. В тот момент они меня уже искали, так что показалось это символичным.

– Своевольный подросток, бегущий от любящей семьи? – зло ухмыльнулся граф, – История стара как мир. Мне, в принципе, плевать, даже несмотря на то, что знаю о том, что именно ты стоял возле ключевых событий, после которых Сильверхеймы и Аксисы превратились в жалкие огрызки. У вас, людей, не бывает ничего постоянного... но ты приволок с собой куда больше непостоянства, чем я изначально полагал. Мартышки из Общества, решившие меня уколоть – это ладно. Но ты еще наступил на хвост Синдикату и Кадархиалле Зря Топчущему Эту Землю. Об этом ты мне ничего не рассказывал...

– Синдикат слишком мелкая проблема здесь, в Америке, – пожал плечами я, – Ну а что Кадархиалла решит повоевать – так вообще узнал только что. Мне казалось, что с ним мы расстались почти друзьями.

– С ним? – рыжий здоровяк аж фыркнул, – Эта гнида – мелочная, но очень коварная тварь, плетущая замыслы под маской внешней невозмутимости. Он всех белокожих считает своими врагами!

– И не зря, – пожал я плечами, – с его точки зрения. Только вот наш короткий конфликт с королем кончился полностью бескровно, а перед этим я спас его шкуру и жизни его вождей. Поэтому слушаю эти новости... с удивлением.

Оказалось, что у Кадархиаллы и Хайтауэра тоже есть общая история, благодаря которой король Объединенной Америки и решил нанести этот поспешный удар. Как-то трактовать иначе спешно перекупленную за большие деньги официантку, ошивавшуюся в свой выходной возле рабочего места, было нельзя. Анклав в виде мегаполиса, имеющего «хозяина», не мог не привлечь внимания индейских племен, а жесткая позиция Акстамелеха, выраженная в множестве краснокожих трупов, быстро сделала их врагами.

Раздражение дракона на моих глазах медленно, но верно переплавлялось в охотничий азарт. Отношение же ко мне у него коренным образом менялось на глазах. Вскоре стала ясна и

причина – некто Дракарис, давний и нехороший знакомый Акстамелеха из Общества, объявил вендетту князю Дайхарду за якобы уничтоженного друга.

– Того самого, которому ракшас оторвал тупую голову. Тупую, но не настолько, чтобы лезть на тебя врукопашную после перерождения, – улыбался холодно дракон, – Ясное дело, что тебя пытаются подставить, но у нас, как и в политике, мнение запросто может бить факты. Дарквилл сделал правильную ставку на то, что я заинтересуюсь возможностью пнуть Дракариса побольнее, но это не значит, что я потом с него не спрошу. Сейчас же, гость, нам нужно подумать о том, как быть дальше. Видишь ли, эта паскуда...

В отличие от меня Акстамелех знал, кто стоит за бомбардировкой Шарпрока, чем и счел нужным поделиться. Дракарис, именно он. Основной силой взевшегося на меня телокрада были игры с пространством, в которых он был сильнейшим во всем Обществе, поэтому операция по загрузке угнанного дирижабля внезапно перестала казаться сложной. Более того, даже дракон задумался о том, что может произойти, если Дракарис найдет общий язык с Синдикатом и Кадархиаллой, Падлой Сующейся Куда Не Просят.

– Почему вы думаете, что найдет? – решил уточнить я, не сомневаясь в том, что рыжий гривастый граф более чем прав.

– Потому что Дракарис не дурак, он силен, но всегда действует чужими руками, – пренебрежение в голосе дракона можно было черпать ведром, – Уже действует. Те стрелки, которых мои люди взяли до того, как они до вас добрались, имели инструкцию палить по всем, кроме тебя. Хочет причинить тебе вред, разъярить, выманить на бездумную атаку или на конфликт с Обществом. Так было в свое время со мной. Хуже того – он способен закидывать в город людей в любых количествах. Людей, оружие, взрывчатку. Ему не хватает только преданных разумных, а их могут предоставить твои другие недоброжелатели. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Ситуация складывалась обоюдоострая. Сам граф хотел бы иметь достаточный повод, чтобы бежать вперед и шатать трубы, но уклончиво признавался в том, что Дракариса не потянет. Уже бодались, дракону не понравилось. Время у нас ограничено, так как вскоре недоброжелатели объединятся, поэтому нужно заставить действовать их поспешно. Точно в таком же положении и они, буквально кинув на первый же мой выезд в город такие силы.

– Заинтересуй меня, князь! – щелкнул пальцами рыжий верзила, – Ты же изобретатель? Изобрети что-нибудь полезное! Что-то, что заставит их поторопиться! Мы обоснуем свои выезды, в том числе и совместные, будем осматривать какие-нибудь безлюдные участки! Скажем, под фабрику или склад! Разнесем молву! Я подключу Дарквилла, чтобы он насел на Дракариса поплотнее.

– А я жену, чтобы она поторопила своих союзников в Европе..., – пробурчал я, ошарашенный наглостью дракона, – Попробуем убрать хотя бы Синдикат из уравнения.

– Можешь на них еще своего ручного убийцу натравить! – расщедрился Акстамелех, – До меня доходили слухи, что он очень хорош! А если отдашь ему и секретарей, так они такое устроят!

Идея, несмотря на то, как её изрыгнул дракон, мне понравилась. Подставляться самому, имея артефактную защиту, было куда проще, чем просто «потратить» швейцарцев. Да и Красовский скучает.

– А о девчонке я могу позаботиться..., – похабная улыбка на породистой роже смотрелась чрезвычайно колоритно.

– Эта девчонка – моя близкая подруга, граф, – охладил я пыл разошедшегося «Хайтауэра», – В том числе и боевая.

– Тогда с тебя знакомство с хозяйками мира, где разводят настолько роскошных баб! – извернулась сраная крылатая рептилия, – Я жажду узнать, каковы они в постели!

Познакомить его с Азовыми я с удовольствием согласился. Да, этот граф – далеко не приятная личность, но он союзник и ведет себя как союзник, пусть и по своим причинам. Более

того, ведет инициативно и деятельно, это заслуживает ответных шагов. Да, наглый и гордый, но при этом серьезно подходящий к нашей непростой ситуации и... вылавливающий охрану для моей жены. Как минимум. Сколько человек нужно, чтобы перехватить нападающих, да еще и обезвредить снайперов – я ума не приложу.

Вернувшись в задумчивости к жене, я поделился с ней итогами разговора, из которого она сделала свой вывод.

– Отдай мне швейцарцев и попроси Красовского помочь, – задумчиво кивнула бывшая Тернова, поглаживая округлившийся живот, пребывающий на пятом месяце беременности, – Здесь мы все для тебя только обуза, Кейн. Цели, как правильно заметил граф. Как мне не хочется тебя оставлять, но в Европе и Аркендорфе смогу сделать намного больше. Оставь Синдикат мне, а сам занимайся местными проблемами.

Трудно было бы не согласиться со столь здравым предложением, особенно после того, как жена пообещала, что будет максимально осторожна. Только вот реальность преподнесла очередной сюрприз – когда я пошёл к Петру Васильевичу, то не обнаружил своего приятеля на месте, а обнаружил грустно-сердитую Пиату, у которой на коленях сидела недовольная и надутая Алиса, мотающая головой на любой услышанный звук.

– Он бросил меня! – озвучила мне причину своего и чужого расстройства эйна, – Набрал целый рюкзак патронов и гранат, уговорил твою дочь открыть ему портал, а потом ушёл! Туда, в твой мир! Сказал, что иначе сойдет с ума от скуки!

Вот те раз...

Глава 5

– Прости, друг, но по этому вопросу ты встретишь мой твердый отказ. Я не буду плести кружева оправданий, а скажу тебе на западный манер – кланы на подобное согласия не дадут ни при каких обстоятельствах. Твои доводы более чем разумны, я их принимаю головой и сердцем, но в большинстве темных кланов правит консерватизм. Они будут до последнего цепляться за секрет изготовления, даже если потом придется совершенно выпустить его из своих рук...

Что же, дешевый способ не прошёл, резюмировал я, прерывая связь по разговорнику с Рао Таном. Наивно было полагать, что китайцы откроют фабрику по изготовлению искусственных аккумуляторов под крылышком Хайтауэра... в любом случае, так как дракон крылышки распускает только над своей собственностью и гостями, но, тем не менее, поговорить с другом было приятно.

Пусть и не с тем, с кем хотелось бы.

– Красовский, ты..., – я так и не смог заставить себя произнести сакраментальное «идиот», хоть оно и рвалось из груди.

Через час после того, как я, успокоив Пиату и отняв у неё бурно возмущающуюся Алису, закрылся в кабинете, высшая эйна, завывая как банши, начала долбиться в запертую дверь. Открыв, я увидел её в слезах, соплях и полнейшем расстройстве – на руках у Пиаты подрагивал защитный комплект Красовского, оставленный им ей.

Он всё-таки ушёл в Африку, хоть и не в ту...

Это было ожидаемо, да. Конечно, не то, что он умудрится проникнуть в Гарамон, а затем и выбраться с тяжеленным рюкзаком из наглухо перекрытой крепости, а то, что Петра Васильевича я бы не удержал. Да и он, по сути, очутился в своем персональном аду – подрагивать не с кем, вокруг дружественный Чикаго, остается только ждать удара со стороны. Невыносимо же, да?

Вот он и нашёл выход.

Пиата ушла сегодня утром с Кристиной сильно расстроенной. В культуре эйн вообще не было понимания «любовник», семьи они заводили и вступали в связь совершенно особенным образом, но и наша подопечная (никак не могу звать её слугой) была необычной. Видимо решила, что «дружба с привилегиями» – это нечто, на что она пойти может. Теперь же она искренне оплакивала именно друга, ушедшего туда, откуда мы его точно не достанем. Даже я.

Не желая сидеть один, я решил побеспокоить тех, кто уже давненько не показывался ни в реальности, ни в моей голове. Эмберхарт хотел перестать на меня влиять, а Фелиции просто не было интересно ничего, кроме её книг и комнаты, которые сейчас отсутствовали, так что происходящее было понятно...

Как оказалось – нет.

– Ничего себе, – заявил я, осмыслив представшую во внутреннем мире картину, – Однако...

– Теперь тебе надо научиться стучаться, Кейн, – с легкой насмешкой прозвучал глубокий и хриплый голос человека, сидящего на деревянном троне, – Ты мог бы застать нас... не одетыми.

– Что-то мне прямо захотелось начать заглядывать к вам почаще ради такой оказии, – хмыкнул я, – Не знаю насчет тебя, Алистер, но мелкая нахалка, сидящая у тебя на коленях, наверняка не раз и не два подглядывала за моими брачными ночами.

– За всеми из них! – злорадно ухмыльнувшись, поведала мне миниатюрная брюнетка, сидящая на коленях у лорда Эмберхарта и обнимающая его за шею как влюбленная маргышка. То, что в таком ракурсе её пародия на юбку задрана по максимум, позволяя мне увидеть обнаженные ягодички, эту особу не смущало совершенно.

– Видимо, это цена за обладание даймоном, – деланно вздохнул я, – Не имею ничего против, но стараюсь не думать о том, что точно также развлекается и Станис.

– Конечно, развлекается, – уверенно кивнула Фелиция Краммер дель Фиорра Вертадантос, – У нас тут не такой уж и большой выбор, чем заниматься!

– Ты пришёл не просто так, Кейн, – негромко уронил мой альтер-эго, – Почувствовал необходимость найти Книгу?

– Я чувствую её давно, – кивнул я, не собираясь признаваться, что мне просто стало одиноко в гостевом крыле, – Просто уверен в том, что Книга разумна и не хочет быть найденной. Это не предмет, лежащий где-то в развалинах давно разграбленного и сожженного замка, это нечто, связанное с нами. С ней.

Мой палец оказался уткнут в сторону боязливо поёжившейся Фелиции.

– С этим нельзя поспорить, – согласно кивнул лорд-в-кресле, – Но даже если учесть то, что твой гримуар был проверен Герцогом... кстати, мы же не знаем, как они сами узнали о правилах Игры? Обсуди этот момент с драконом, он хоть и самодоволен, но честен.

– А еще он кажется мне наиболее надежным союзником... в Игре, – задумчиво пробормотал я, – В смысле тем, кому можно сунуть Книгу во имя прекращения этого балагана.

– Возможно, вас для этого и свели, – предупредил лорд, по-хозяйски кладя руку на бедро прижавшейся к нему девушки и избавляя меня тем самым от эротического зрелища.

– Возможно. Пока мы должны сосредоточиться на другом, – в задумчивости подоидя к деформированному канделябру, я едва удержал себя от того, чтобы снова не положить руку на страницы раскрытого гримуара Горизонта Тысячи Бед, – Есть идеи о совместном бизнесе с драконом?

Новых идей не было, а вот старые...

– Гритбол... серьезно? – пробормотал я.

– Поверь, когда ты ему объяснишь правила..., – многозначительно ухмыльнулся лорд Эмберхарт, – Дракон взбесится от восторга.

В который раз он оказался совершенно прав. Внимательно выслушав правила игры, граф Хайтауэр буквально загорелся идеей её реализации. Как и любое долгоживущее существо, на что сделал ставку мой альтер-эго, дракон скучал по временам, когда старое доброе насилие у человека было частью шоу-бизнеса. Казни, арены, турниры, дуэли, вся эта прекрасная кровопролитная тема. Идея жестокого спорта, похожего на регби, но в механизированных костюмах, которые обойдутся куда дешевле без броневой навески и дорогих арканитовых аккумуляторов, возбудила Акстамелеха до пугающих масштабов!

– Что нам нужно, Кейн, говори! – мерял этот детина торопливыми шагами кабинет, – Что нужно от меня, чем порадуешь сам? Как понимаю, доспехами?

– Не только, я договорюсь и о поставках китайских зарядных устройств, – довольно кивал я, – У нас, точнее у Терновых, моих родственников, есть склад устаревших доспехов, плюс часть из них можно недорого приобрести на Руси. Много единиц, сотни. Но не рекомендую делать последнего...

– Почему?!

– Потому что если нам важно популяризовать гризбол, то лучше обеспечить доступность покупки механизмов для всех заинтересованных, чем пытаться заработать на перепродаже.

– Я не собирался зарабатывать, а был готов распространять!

– Намного лучше будет вложить деньги в качественные эфирозаписи, копии из которых затем переправить в крупные города и Европу.

– Сначала Америка, а потом – весь мир! – сжав внушительный кулак, Хайтауэр потряс им перед собой.

– Гм, а вы не забыли, зачем мы это вообще делаем?

– Ох... Да. Да... Но сначала Америка!

– Сначала, граф, нам потребуется стадион...

Удобно вести дела с теми, перед кем не нужно скрывать источник своих знаний. Им на него плевать. Размеры стадиона, специфики конструкции мощных защитных бортиков, в которые постоянно будут врезаться азартные недоумки в броне, сетка-улавливатель осколков и ошметков от костюмов, призванная защитить зрителей... гризбол в мире Эмберхарта был очень популярным видом спорта. Пока я не буду подсказывать графу идею, что силу, ярость и выносливость бойцов можно дополнительно стимулировать химией и алхимией, но люди сами к этому придут.

Всегда приходят.

В перекурах, которые брал дракон на обдумывание, где разместить свою новую прелесть, я размышлял над перспективой ворваться на Гарамон. Одному. Меня бы гоблины не тронули, но что дальше? Требовать у них выдать мне Красовского... или его тело? Угрожать очередными катаклизмами? Нет, не годится. Совсем никуда не годится.

Человек сделал свой выбор. Я могу это только уважать. Даже если с него сейчас медленно сдирают кожу.

Особенно, если с него сейчас её медленно сдирают.

Представляю, как обалдели девочки, несущие стражу на единственном входе в нашу крепость.

Закончив с Хайтауэром первичные обсуждения и прямо при нем договорившись по поставкам комплектов будущей спортивной брони со стендами и запасными частями, я помешал дракону бежать и искать будущих тренеров, а вместо этого вынудил чересчур увлекшегося ящера вернуться к делам насущным – тому, ради чего мы вообще всё это затеяли. Итогом стала назначенная через два дня инспекция на место будущего стадиона.

Получив два дня свободного времени, я тут же отправился на Гарамон.

Оказавшись в наглухо забаррикадированном зале своей собственной крепости, я, кивнул охраннице в «бегемоте», а затем уселся в кресло, принявшись ждать. Кристина должна была

три раза в сутки упрашивать Алису открыть портал на пару минут, что и позволяло нам скакать туда-сюда. Сам я в гостевых покоях теперь в то же время держал порталы по полчаса, на всякий случай.

– Господин... – гулко и внезапно заговорила закованная в сталь девушка, – Мои нижайшие извинения, что я прерываю ваши раздумья... и не могу поклониться...

– Все нормально, слушаю тебя, – поощрительно кивнул я, понятия не имея, как зовут сидящую в броне китаянку. Ну, запомнить столько однообразных имен вообще невозможно.

– Госпожа Пиата велела вам секретно и срочно передать одну вещь, – четко, хоть и волнуясь, произнесла охранница, – Она внимательно наблюдала за детьми из этого мира всё время, а теперь хочет, чтобы вы знали – им не нужно возвращаться в собственный мир. Вообще.

– Никогда? – ошарашенно пробубнил я.

– Никогда, – послушно подтвердила девушка, – Вообще.

Всем представителям иных миров нужно время от времени бывать на родине, это правило не касается только полукровок. Воображение тут же нарисовало мне гоблинские анклав в безжизненных болотах Польши, там, где и был первый портал этой замечательной расы, но затем быстро зачеркнуло ужасную картину – германцы бы точно их обнаружили. Следовательно, даже если зеленокожим, завоевавшим в свое время Гарамон (как-то они на него проникли же?) известно о таком свойстве своих тел, то ничего серьезного они не успели натворить.

Однако, в мире есть несколько гоблинов мужского пола, которых я передал Азовым и императору как переводчиков. Что же, придется их заменить на своих девочек, а затем тщательно выискивать возможные ухоронки зеленокожих в Польше. На всякий случай.

Хотя... а почему бы это не использовать?

Мне сейчас совсем не мешает еще немного апокалиптических козырей...

///

Сначала всё шло хорошо, даже замечательно. Его друг, которого легко можно было назвать чересчур добрым и послабляющим по отношению к своим приятелям, вовсе не думал как-то ограничивать своего невольного гостя. Да, именно невольного! Не будем смешить судьбу нелепыми отговорками, Петр, ты сделал шаг в пустоту, упал, а значит – рано или поздно должен прилететь, ударившись о твердую землю!

Гнить в тайных местах тебе всегда претило.

Так вот, сначала всё было изумительно.

Верткие зеленокожие карлики тут же попытались его взять. Без разговоров, без просьб, без предупреждающих криков и тому подобной лабуды, чистое и безукоризненное насилие, все как он любит! Они кинулись вперед с дубинками, сетями и веревками, а он открыл по ним огонь из пистолетов! Это была даже не бойня, а чистый выходной подарок Петру Васильевичу Красовскому, решившему, что ему пора двигаться вперед, в новую жизнь!

Он стрелял – они кричали и падали, это было прекрасно! Намного лучше, чем с людьми. Пуля, попадая в человека, ведет себя скромно и неинтересно, зарываясь в его тело. Здесь? Всё намного лучше. При максимальном весе килограмм в сорок, субтильные зеленокожие существа эффектно подпрыгивали и отлетали, умирая! Девятимиллиметровые пули оставляли в их телах настолько чудесные отверстия, что это казалось самой симфонией смерти, торжественно провожающей одного из самых верных своих слуг!

Хотя нет, поэтизмом в отношении своей профессии господин Красовский никогда не страдал и не наслаждался. Безусловно, ему нравилось стрелять, нравилось убивать, но весь вопрос – *кого именно?*

Разумеется, негодяев! А вы как думали? Пулю нужно заслужить. Угрозы нужно заработать. Попытки? Ну это вообще достижение. Разумеется, что к обычным гражданам или там, скажем, невинным сироткам, такие меры применяются редко. Петр Васильевич уверяет – он и сам был невинным сироткой!

Очень недолго.

Так вот, вернемся же из умных мыслей в нашу наполненную выстрелами прозаику! Пули летят, гоблины бегут, Петр Васильевич ловко меняет магазины, продолжая стрельбу, раненные стонут, убитые молчат, жизнь хороша! Еще бы восхищенные девушки сзади бы чепчики в воздух кидали, но уж ладно, мы не привередливые!

Всё портят стрелы. Летящие такие, совсем небольшие, еле-еле пробивающие ткань одежды. Хватает всего пары, чтобы Петр взгрустнул, поняв, что наконецники обмазаны той же смолистой дрянью, что и лезвие его любимого ножа. А эта смолка, по словам Кейна, прекрасно усыпляет людей.

Здесь перед ним встает выбор – выпустить себе пулю в череп или нет? Перед тем, как его возьмут живым и тепленьким?

Ответ – нет.

Он ненавидит саму мысль об этом, поэтому всего лишь улыбается, падая на колени и роняя из рук оружие. Всё равно остальные патроны в рюкзаке. Последний праздник будет продолжен в другом формате.

Перед тем как вырубиться, Красовский даже обижается за то, что набежавшие на него зеленокожие даже не думают его бить.

Это портит картину... но несильно.

В себя он приходит, как и некоторое количество раз до этого, в подземелье, голый и тщательно зафиксированный в кандалах. Что же, это предполагалось, смерти в бою не вышло, значит будут допросы. Однако, их нет. Вместо вопросов, сопровождаемых пытками, следуют только побои. Легкая болевая обработка, настолько нежная, что почти вызывает неприличные ассоциации. Хмурые сосредоточенные карлики стараются сломать его, но подходят к делу настолько аккуратно, что это даже обидно.

Не выдержав, он начинает давать советы.

Не выдержав, они затыкают ему рот.

Эта скукота длится несколько часов. Опытный седой гoblin почти со страхом ломает ему пару пальцев на ноге, а затем, после почти десятка минут раздумья (!) прикладывает раскаленный нож к икре. Вглядывается в лицо Красовского так, как не вглядывались его любовницы! Петр лишь скучающе мычит сквозь кляп. Боль? Он прекрасно чувствует эту скучную боль. Она его не устраивает.

Петр полжизни провел, чувствуя, что опоздал на поезд, а проклятый паровоз задерживается и сейчас! В постановке не чувствуется размаха, в самом зеленокожем, так робко пытающем своего пленника, нет ни ярости, ни ненависти, ни хотя бы ледяного профессионализма. Этот старый и потертый жизнью бедолага – вот кого здесь пытаются!

Петр хочет ему помочь. Хочет объяснить, зачем пришёл и зачем начал стрелять. Хочет услышать вопросы этих бедолаг, а затем насладиться их попытками узнать ответы.

Раскаяние? Думаете, Красовский, сам Красовский, раскаивается? Думаете, что этот законченный убийца и безумец... ненавидит себя?

Отнюдь! Петру Васильевичу всегда нравилась его жизнь, её легкость и риск, её скользущее вдоль пуль и клинков очарование противницы этой самой жизни, смерти. Просто он знает, когда надо заканчивать историю, чтобы та осталась красивой. Выступив против Кулинару, Петр открыл эпилог своей жизни, а затем, написав его рука об руку со своим товарищем, чуть затянул с последним абзацем.

Ладно, будем честны, невыносимо затянул. Прекрасная белокурая девушка ему очень хорошо об этом напомнила. Её веселый нрав и частые объятия едва не превратили всю книгу в заменитель туалетной бумаги. Далеко не Кулинар, этот кусок верещащего мяса, обернутого в жирную темную кожу, был Белым Китом Петра Васильевича Красовского, им стала именно она, Пиата.

Так что он сбежал, спасая историю своей жизни, написанную смертью, кровью и свинцом. Сбежал сюда, к зеленокожим, в подвал, где несчастный нервничающий старик, чуть ли не потев от переживаний, пытается его настолько нежно, что это даже неприлично.

Как же хочется его пнуть, отстраненно подумал бывший питерский бандит, глядя в спину суетливо уходящему гоблину. Пнуть и заорать – пошевелись, скотина! Ты меня задерживаешь! Мне, черт побери, пора!

Глава 6

Два дня в долине швейцарских Альп, чтобы насладиться обществом жены и дочери, оказались несбыточной мечтой. Не успел я переодеться в домашнее, как Кристину уже вызывала из Италии паникующая дворянка по имени Глория Лимьерри, из которой местная ячейка Синдиката захотела сделать «пример всем остальным». Женщине, проживающей в небольшом городке Чефалу, к востоку от Палермо, пришло письмо, в котором в красках было описано всё, чему она будет подвергнута ровно через двенадцать часов после его получения. Она, уже потерявшая мужа в своей прошлой схватке с этой криминальной организацией, испугалась за себя и детей.

Ну, как испугалась? Впала в панику, прокляв саму идею мстить тем, кто живёт с ней в одном городе при полностью купленной полиции и запуганных соседях.

– Кейн, пожалуйста... – только и сказала Кристина, перед тем как я, вздохнув, отправился в покои нашей госты-боярышни, заведующей перемещениями.

Верный ход и простой. В Италии дворян просто море. Небольшой «сапожок» буквально напичкан семьями, кичащимися благородной кровью, но при этом зарабатывающими на хлеб ежедневным трудом. Лимьерри по местным меркам была уважаемой и влиятельной матроной, хотя её общий доход и был в два раза ниже тех выплат, что делаем лично мы на счет младшей Корочкиной-Одолевской. Смысл в том, что дворянин всё-таки остаётся дворянином, поэтому расправа Синдиката над аристократкой в её доме местными будет воспринята тихо и сквозь зубы, а вот в глазах мирового сообщества это будет очень *громко*.

Для новосозданной коалиции, состоящей преимущественно из женщин – слишком громко.

– Хорошо, дорогая, – кивнул я тогда, вставая с кресла.

– Нет, подожди, – меня схватили за рукав, – Я прошу тебя не сделать всё самому, а просто присмотреть за ней.

– За ней?

– Да, за ней.

...и в помещение впёрлась Пиата.

Нам пришлось здорово попотеть, чтобы оказаться на Сицилии. Там, потратив два драгоценных часа на обед с семейством Истинных, никак не желавших отпускать персону уровня герцога без этого мероприятия, я был усажен в скоростной мобиль, управляемый усатым и нервным шофером, который и стартанул с сумасшедшей скоростью в сторону моря, в Чефалу. Прибыть удалось всего за час до срока, обозначенного в письме-угрозе.

– Vostra Eccellenza, principe Dyhard! (ваше сиятельство, князь Дайхард!) – склонилась передо мной в низком реверансе госпожа Глория Лимьерри, – Che onori! (какая честь!)

Дама пыталась держать себя в руках, но у неё это очевидно плохо получалось, учитывая, что затормозивший на улице мобиль, привезший меня, был единственным двигавшимся объектом. Всё остальное в этом солнечном итальянском городке как вымерло.

Раскрыв портал, я без лишних слов отправил туда детишек этой самой Лимьерри, двух великовозрастных остолопов, глазевших на меня с открытыми ртами (у них ни оружия, ни гримуаров не было!), а затем, вызвав пару интересующих меня вещей, отправил и саму Глорию,

суматошно норовившую приготовить чай высокому гостю. Удивительное рядом – очень известная в европейских кругах итальянка проживает в скромном двухэтажном особнячке максимум на двести квадратов.

Покинем же этот дом. Ни к чему устраивать беспредел здесь, когда до местной базы Синдиката ходу всего пять минут. Пешком. Прогуляться при такой солнечной погоде одно удовольствие, а затем, встав неподалеку от запертых ворот дома, по площади раз эдак в двадцать большего, чем у Лимьерри, раскрыть заново портал.

...из которого выйдет Пиата.

Плод сумрачного беременного гения её Тернейшества, адаптированная под двухметровую статью эйны «Последняя осень» выглядела... ну, жутковато, особенно с двумя массивными китайскими репликами итальянских тяжелых пулеметов, зажатыми в руках. Спина была дополнительно защищена массивным коробом с патронами, так что моему взгляду предстала здоровенная металлическая балерина с руками-батонами, на немалых каблуках и... с оттопыренной металлической задницей, по которой мне просто невероятно захотелось шлепнуть.

– Не пялся! – слегка уязвленно бурчит эйна, – Мне приходится так стоять, чтобы сохранить равновесие!

– Жаль, Петр тебя сейчас не видит, – не особо подумав, ляпаю я, – У нас бы уши завяли от его подколок.

– Да, жаль, – голос подруги становится суше, – Я бы ему врезала.

– За то, что не взял тебя с собой? – видимо, я слегка не в форме из-за внезапных метаний по планете.

Высокая фигура поворачивает ко мне закрытую шлемом голову.

– Нет, Кейн, – говорит она, – За Алису. Как думаешь, любой бы смог уговорить твою дочь открыть портал?

Что-то сказать в ответ у меня не получается, потому как от шлема и от остальных частей Пиаты начинают отлетать пули, на что девушка глухо ругается и устремляется вперед, прямо на базу Синдиката, вытягивая вперед руки со стволами, тут же начавшими изрыгать снопы огня и свинца.

Кристина мудро поступила, заменив качество количеством в выборе оружия для временной носительницы своего доспеха. Пиата, никогда ранее не уделявшая время огневой подготовке, не успела нормально научиться стрелять, так что теперь ей требовалось просто навести руки в нужную сторону, а дальше все решала плотность огня и... оттопыренная задница с упором на каблук, гасящая оставшуюся часть отдачи.

Что могли противопоставить этому обычные люди? Как оказалось – почти ничего. Несмотря на то, что Кристине пришлось растянуть тонкие бронеплиты доспеха на куда большее тело Пиаты, эйна легко компенсировала возможные риски своей ловкостью, наглостью и усиленными мышцами «последней осени», помогающими ей прыгать до четырех метров вверх. А уж бандиты, не ожидавшие подобного, просто не успели ничего придумать против. Разве что парочка наблюдателей, ведших нас от самого дома итальянки и решившая, что выстрелить мне в спину будет хорошей идеей.

Впрочем, эта бойня была лишь первой в списке наших дел. После того, как Пиата закончила с местными, я запустил её назад на Гарамон, вернулся к машине и приказал шоферу гнать в Марьянополи.

Здесь, в гнезде итальянского криминалитета, уже было жарче, но тут я уже не стал сдерживаться. Прорвавшись с Пиатой внутрь охраняемой территории местного «дона», я выпустил из портала двух «бегемотов», и мы вчетвером пошли перемешивать людей и землю в одну однородную массу. Побоище окончилось в кабинете местного начальника, укрывшегося за своим столом, которому я на грудь скинул список адресов других баз, пригрозив, что любая попытка вновь поднять вопросы силовыми путями кончится моим вояжем по всем этим местам, при-

чем, убивать я буду гораздо меньше, а вот забирать в плен, отправляя в собственный мир – больше. Поэтому, если господа не хотят оказаться рабами у иномировых монстров...

Свидетелей на этот раз мы оставили достаточно, угрозы были услышаны. Оставив позади трупы, кучи стреляных гильз и разруху, мы вернулись в уютную залу на Гарамоне.

– Фух! – сказала Пиата и полезла наружу из доспеха,

– Ух! – сказал я, глядя на мокрую голую двухметровую блондинку с шикарными формами.

Что сказали остальные девушки в доспехах было не ясно, но сопение, доносящееся из фильтров «бегемотов», определенно было завистливым. На Стефанию, сидящую в дальнем углу с книжкой, я просто побоялся смотреть. Да уж, Красовский, повезло тебе, сукиному сыну...

– Я бы дорого дала за то, чтобы снова стать маленькой, – удрученно проговорила обнаженная блондинка, без смущения вставшая передо мной, – Особенно сейчас.

– Снова воровать сладости, дрыхнуть весь день, врать и лениться? – улынувшись, я всё-таки отвернулся. Это было тяжело.

– Быть ловкой и незаметной, все слышать, всё знать... – быстро обтерев себя полотенцем, эйна принялась одеваться, – И чтобы на меня смотрели как на ребенка, а не на...

– Одну из красивейших женщин мира, – жестко отчеканил я, – Да, пусть роль тебе не очень подходит, но не забывай, Пиата, почему ты стала такой. Ты сама и только сама решила выполнить волю своего господина. Шла на муки и смерть ради него, но вместо этого просто приобрела рост, грудь и красивую жопу. Теперь учись жить с ней. Она – твой выбор. Точно такой же, каким был Петр.

– Мне кажется, он еще жив... – задумчиво пробормотали мне в ответ, – И еще вернется.

– Все может быть. А теперь, девушки, – я обратился к тем, кто ходил с со мной в Чефалу, – Перезарядитесь и будьте начеку. Я возвращаюсь на Сицилию, ненадолго. Надо объясниться с мэром. Ян Ли, передай нашим гостям, что я забираю их в Аркендорф, им слишком опасно сейчас возвращаться домой. Где их прошение?

Нельзя просто так ворваться на территорию другой страны с военной техникой, а потом удалиться, как будто бы ничего не произошло. К счастью, синьора Лимьерри с радостью написала все нужные заявления, добавив к ним горячие обещания устроить бурю в Европе, как только она туда доберется. Теперь нужно было просто передать это властям Марьянополи, попутно объяснив, что упомянутая дама и её дети взяты под временный протекторат княжества.

Эти самые бумажки мэр города, худой, желчный, старый и испуганный, просмотрел мельком, но даже так они ему определенно не понравились. Однако, спорить ему было некогда, из-за устроенного мной разгрома к нему постоянно ломились разные люди, так что, не раскрывая моего инкогнито, он лично проводил меня до двери и вернулся к своей рутине. Разумный ход, всё-таки, мы далеко за краем цивилизации, а единственная серьезная сила, что тут была – сидела на базе Синдиката. Компромисс напрашивался сам собой.

Выйдя из мэрии, я почувствовал запах, от которого желудок буквально взбесился. Жареное, тесто, сыр. Пицца! Желание поест её самому и заодно принести домой стало настолько нестерпимым, что, не обдумывая ничего дальше, я как был, так и пошагал в сторону, откуда неслись эти волшебные ароматы.

Неудивительно, что у меня так тяжело с поиском друзей и союзников. Подумать только, Истинный князь, фигура политического уровня лишь немногим уступающая монархам, сидит в пиццерии один, без секретарей, слуг, помощников, телохранителей и прочего необходимого человеку моего статуса люда, жрёт жадно (но аккуратно) свежайшую сицилийскую пиццу... И требует еще десяток, упакованный так, что можно было бы забрать с собой!

Это... немыслимо с точки зрения современной культуры. С другой стороны, вполне возможно, что именно моё нежелание заводить нам ворох слуг сейчас и спасает от большей части бед. Недоброжелателям банально некого подкупать.

– О, я могу присесть с вами!? – едва знакомый, но неестественно *игривый* мужской голос, обратившийся ко мне на русском, заставил ряд ледяных мурашек промаршировать по спине, – Ненавижу кушать один! Тем более – такую прелесть!

Оборачиваться мне не потребовалось. Человек, с ловкостью фокусника удерживающий поднос, очевидно отнятый у официантки, просочился мимо моего плеча, а затем, лучась бело-зубой усмешкой, одним махом ввинтился на стул напротив, виртуозно опуская свою пиццу на стол с подкручиванием, от чего блюдо с едой совершило несколько красивых оборотов.

– ...ты? – только и выдавил я.

– Знаешь, как изобрели эту вкусотищу? – не переставая улыбаться, Дмитрий Пространственник, просто фонтанирующий позитивными эмоциями, потыкал пальцем в свою снедь, – Это невероятно забавная история! Так вот...

– Я знаю, что это хлеб бедняков, – пробормотал я непослушными губами, – Накрошенные на него случайные продукты и расплавленный сыр, запеченные при высокой температуре, помогали продлить срок годности этих остатков, а также придать им более съедобный вид...

– Ооо..., – уважительно кивнул волшебник-ведущий-себя-совсем-не-как-волшебник, – Это ты настолько эрудирован или же это вообще, базовый уровень для людей твоего мира?

– Базовый..., – мотнул головой я, а затем, подчиняясь какому-то наитию, выдал, – Дракарис.

– Именно так, мой дорогой князь! – губы волшебника-телографа раздвинулись в неприятной улыбке, но он тут же её спрятал, испуганно пуча глаза на меня, – Слушай, давай покушаем! А потом поговорим! Остынет же!

Недоброжелатель Акстамелеха, чьим коньком всегда были игры с пространством. Дмитрий Пространственник, известнейший и богатейший волшебник Санкт-Петербурга. Человек, «продавший» меня Элефару. Вот почему я в мыслях никогда не сводил две эти фигуры в одно целое. Кто бы мог подумать, что один телоград банально оказывает услугу другому, прикрывая это прагматизмом всех магов.

Несмотря на абсурд происходящего, свою пиццу я доел, пусть и медленнее с аппетитом пожравшего горячий благоухающий кругляш оппонента. Пока ел, оторопь сменилась задумчивостью. Прикинув варианты нападения, отказался от всех, включая даже удар выхваченным хавном, благо что его лезвие по всем заветам Петра Васильевича, уже было смазано каваром. О Дракарисе мне было известно немного – игры с пространством и любовь всё делать чужими руками.

– Я пришёл поговорить! – прочавкал сидящий напротив фигляр, подмигивая мне левым глазом, – Нельзя же чтобы ты и дальше гадал, за что это я так на тебя взелся! Даже друга убил ради этого... ну, на время!

– Уолша. И свалил на меня, – сделал я вывод.

– Именно! – в меня «выстрелили» указательным пальцем, – С тобой приятно общаться! Сразу всё понимаешь. Давай еще по пицце сожрём?

– Давай ты перейдешь к делу... пока я не устроил Синдикату вендетту по всему миру? – предложил я, – Ведь именно поэтому ты здесь?

– Да, именно так, мой чрезвычайно догадливый и крайне малоуловимый друг! – расхохотался человек, которого бы никто, даже под страхом смертной казни, не смог бы сейчас назвать волшебником, – Именно так!

А потом он облизал свои пальцы. Меня аж передернуло.

– Ладно, Кейн, давай перейдем к делу, – посерьезнел волшебник, – Ты можешь о многом догадываться, но на одних догадках мы бы долго не проговорили. Здесь требуется рассказать

кое-какую историю. Начнем мы, пожалуй, с гримуара Горизонта Тысячи Бед. Знаешь, я когда-то был его владельцем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.